

СЕМЕНЪ И ПИКОЛА

882

Семь и Никола отъ Семьи Мани
1875г. № 4.

ЗАПИСКИ О СИБИРИ.

Милый Павлуша!

Появление—чуть не цѣлой стопы бумаги, исписанной моею рукою, вѣроятно на столько-же удивить и вмѣстѣ обрадуетъ тебя, на сколько огорчало и досадовало мое молчаніе. Теперь ты видишь, что, спѣшно прощаясь съ тобой и говоря, что весь годъ стану много писать тебѣ, я говорилъ искренно и исполняю свое обѣщаніе. Причины, по которымъ всѣ мои письма за цѣлые полгода явились къ тебѣ вдругъ, въ видѣ цѣлой толстой тетради, ты узнаешь отчасти изъ ихъ содержанія, отчасти изъ того, что я сейчасъ расскажу тебѣ о томъ, какимъ образомъ я, такъ усердно учившійся, такъ мечтавшій объ окончаніи курса и о переходѣ въ Технологическій, такъ горячо привязанный къ товарищамъ,—вдругъ совершенно неожиданно оставилъ все это на цѣлый годъ и уѣхалъ такъ спѣшно, что даже тебѣ, лучшему моему другу, не успѣлъ объяснить хорошенько причинъ своего отъѣзда.

Смерть моею бѣдной, милой мамы поразила меня, какъ громъ. На другой-же день ея похороны отецъ потребовалъ, чтобы я шелъ въ гимназію. Недавно онъ объяснилъ мнѣ, что дѣлалъ это—думая хотя насильственнымъ, вынужденнымъ занятіями разбить мое горе. Я повиновался ему, но ходилъ, какъ сонный или убитый. Въ душѣ я очень благодарилъ всѣхъ товарищей и тебя въ особенности, что вы не пробовали ни утѣшать, ни распрашивать меня. Въ чемъ было мое горе, вы знали; что утѣшить въ немъ невозможно, что воспоминаніе о каждой подробности его точно поднимаетъ и усиливаетъ боль въ душѣ, вы также понимали—и я повторяю свою благодарность.

На отца кончина матери подѣйствовала странно. Она точно совсѣмъ сломила его. Онъ ни ѣлъ, ни спалъ, по цѣлымъ днямъ молча сидѣлъ въ кабинетѣ, опустя голову на руки. По утрамъ, когда я входилъ къ нему поздороваться, онъ какъ-то спѣшно, со слезами на глазахъ, цѣловалъ меня и тотчасъ-же просилъ спѣшить въ гимназію. Возвращаясь домой, я заставлялъ его въ комнатѣ покойной мамы. Онъ стоялъ на колѣнахъ возлѣ ея кровати и плакалъ, точно маленький. Я думалъ, что у меня сдѣлается горячка отъ горя, жалости и неумѣнья помочь несчастному отцу. Вѣдь ты знаешь, до чего я люблю его. Да вѣроятно, и вышло-бы что-нибудь не хорошее, если-бы не спасалъ насъ нашъ милый докторъ и другъ, Николай Ивановичъ. Онъ уговаривалъ отца, даже бранилъ его, заставляя его ѣсть, поилъ меня какими-то каплями, старался быть веселымъ, хотя и у него на душѣ залегло тяжелое горе. Я самъ видѣлъ на похоронахъ, какъ онъ плакалъ не меньше нашей няни.

Прошла цѣлая недѣля, а отецъ все толковалъ и плакалъ по прежнему. Николай Ивановичъ началъ призадумываться. Одинъ разъ, вечеромъ, онъ засталъ отца опять въ комнатѣ покойницы съ тоской и плачемъ. Я былъ съ нимъ и также плакалъ. Николай Ивановичъ увелъ насъ въ кабинетъ, далъ обоимъ капель, уговорилъ отца выпить рюмку вина, сталъ рассказывать что-то смѣшное. Но смѣялся онъ одинъ. Отецъ сидѣлъ у камина и такъ упорно смотрѣлъ въ огонь, будто видѣлъ тамъ что-то живое и печальное. Я примостился возлѣ него, — и точно издали и неясно доносилась до меня выдѣланно-веселая болтовня Николая Ивановича. Вдругъ онъ замолчалъ. Я взглянулъ на него и замѣтилъ, что онъ какъ-то озабоченно смотритъ на отца.

— Знаешь — что, Дмитрій Андрѣевичъ, — наконецъ заговорилъ онъ: — чего ты здѣсь сидишь и убиваешься, мучишь своимъ горемъ и безъ того несчастнаго ребенка? Этакъ ты нехорошо кончишь, да и его до добра не доведешь! Я говорю тебѣ это, какъ докторъ и какъ другъ. Если не стало одного милаго существа, такъ ты для другаго жить долженъ: вѣдь Володя еще долго въ твоей помощи и руководствѣ нуждается будетъ. Вотъ что: уѣзжай ты отсюда подале, только не за границу, а вотъ хоть въ Сибирь. Ты вѣдь и родомъ оттуда, и работалъ тамъ лучшіе, молодые годы, да и по ремеслу горный инженеръ. Поѣзжай! Какъ охватить тебя еще неизвѣданая безграничность сибирская, да глянетъ тебѣ въ глаза настоящая опасность физическая, такъ и проснется въ тебѣ живой человекъ.

Услыша это, я совершенно безсознательно схватилъ отца за руку, — страшно мнѣ было разстаться съ нимъ. Но я тотчасъ-же опомнился и довольно бодро спросилъ:

— Поѣдешь, папа?

Вмѣсто отвѣта, онъ опять судорожно схватилъ обѣими руками мою голову, пригнулся къ ней и зарыдалъ.

— А его-то я какъ-же оставлю? Вѣдь это значить и его, и себя вдвойнѣ осиротить сразу,—наконецъ проговорилъ онъ.

— Ну, такъ возми и его съ собою. Вѣдь онъ и такъ по годамъ въ своемъ курсѣ. Проѣздить годъ съ тобою, возвратится и наверстаешь все упущенное. Вѣдь онъ, слава Богу, малый честный и тебя любить, и собственную пользу понимаетъ. Да, наконецъ, не безъостановочно-же вы станете ѣздить. На отдыхахъ въ большихъ городахъ можеть упражняться въ писанинѣ, а дорогой, въ разговорахъ съ тобою—поддерживать въ памяти то, что въ ней должно остаться.

Отецъ долго еще отпѣкивался, но съ Николаемъ Ивановичемъ не такъ легко справиться, если онъ разъ что затѣялъ и порѣшилъ. Онъ говорилъ долго и много,—рисовалъ отцу картины то сибирской природы, то тамошней жизни, объяснялъ ему, какую пользу можеть принести тамъ многимъ встрѣча съ такимъ знающимъ человѣкомъ, какъ онъ,—вдобавокъ обладающимъ еще независимыми средствами и честнымъ, добрымъ сердцемъ. И должно быть, удалось ему разбудить въ большой душѣ отца моего какое нибудь пріятное, утѣшительное чувство, потому что онъ сталъ понемногу сдаваться. Меня услали спать, но я не успѣлъ еще раздѣться, какъ вошелъ ко мнѣ Николай Ивановичъ.

— Послушай, Володя,—заговорилъ онъ какъ-то особенно серьезно и торопливо:—отцу твоему очень нехорошо. Нужно во что-бы то ни стало и, какъ можно скорѣе, высвободить его отсюда. Безъ тебя онъ не поѣдетъ. Я знаю, какъ усердно и съ какой цѣлью ты учишься. Все это стѣ тебя еще не уйдетъ,—ты молодецъ, а ради отца всякій порядочный сынъ пожертвовалъ-бы годомъ своего времени. Если не будешь нѣжиться и думать только о своихъ удобствахъ, и этотъ годъ для тебя не пройдетъ даромъ. Смотри глазами и шевели мозгами, а руководитель у тебя будетъ завидный для каждаго юноши, твой отецъ. Я поѣду проводить васъ до Нижняго Новгорода, а чтобы ускорить вашъ отъѣздъ, я сказалъ, что если выѣдемъ позже трехъ дней, то мнѣ не хватитъ времени. Завтра я буду у твоего начальства, стану просить,—и улажу все дѣло во время. Отецъ поѣдетъ за деньгами въ банкъ, а тамъ станете дѣлать выѣстъ необходимыя для дороги закупки. Торюши и позабочивай отца всячески, чтобы хотъ насильно отрывать его отъ горькихъ мыслей. Понимаешь?

— Понимаю, Николай Ивановичъ, и готовъ для него хотъ камни всю жизнь ворочать,—отвѣтилъ я.

— Такъ и слѣдуетъ! А теперь спи.

И онъ исчезъ своими обыкновенными гигантскими шагами. Милый онъ, добрый, честный другъ! Какъ хотѣлось-бы мнѣ теперь, чтобы онъ былъ здѣсь и, по своей привычкѣ, схватилъ-бы меня за вихоръ и крикнулъ: «покажи языкъ! Успѣлъ объѣсться! Нѣтъ? Ну, молодецъ!» Я, кажется, расцаловалъ-бы его тощую рыжую бороду и длинную костлявую руку.

Я легъ, потушилъ свѣчку, но заснуть не могъ. Мнѣ представились все товарищи, наши споры и толки, наши мечты объ окончаніи курса и работахъ въ Технологическомъ и сердце какъ-то защемило. Жаль и грустно стало оторваться отъ всего этого на цѣлый годъ.

Въ это время въ кабинетѣ послышались шаги. Отецъ шелъ ко мнѣ. Онъ отворилъ дверь, держа другой рукой свѣчку, и тихо спросилъ:

— Владиміръ, ты спишь?

Я только въ эту минуту замѣтилъ, какъ страшно измѣнилось, похудѣло и пожелтѣло его лицо, какъ опухли глаза, и какъ, точно отъ слабости, согнулся станъ.

— Нѣтъ, папа,—отвѣтилъ я—и сѣлъ на кровати.

Онъ подошелъ и сѣлъ возлѣ меня.

— Не хочется тебѣ ѣхать?

— Нѣтъ, папа, я ѣду съ радостью, а объ ученьи моемъ не думай. Я далъ слово себѣ и Николаю Ивановичу, что стану часто припоминать съ тобою то, что промель, а по возвращеніи сюда буду заниматься удвоенно усердно — и въ годъ наверстаю то время, которое пройдетъ въ нашей поѣздкѣ.

Мы проговорили еще долго, — и отецъ уснулъ лежа у меня на кровати, нѣсколько успокоенный, а я почти всю ночь проворочался на диванѣ, то прислушиваясь къ его дыханію, то раздумывая о томъ, что ждало меня впереди. Къ утру я придумалъ множество будто необходимыхъ намъ вещей, поѣхалъ съ отцомъ въ банкъ за деньгами, а потомъ почти весь день таскалъ его по магазинамъ и лавкамъ, чуть не слезно упрашивая покупать для меня то одно, то другое. Вечеромъ мы укладывались. Отецъ былъ очень утомленъ, пріѣхалъ Николай Ивановичъ и похвалялъ меня за это.

— Теперь онъ уснетъ хорошо, — пояснилъ онъ свою похвалу.

Такъ прошли эти три дня, и ты поймешь теперь, почему я такъ сѣвшино и безтолково простился съ тобою, ворвавшись, какъ угорѣлый, въ корридоръ гимназіи, пока Николай Ивановичъ и отецъ говорили съ директоромъ.

130

На другой день мы уѣхали съ первымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги. Передъ отходомъ поѣзда мы съ отцомъ наскоро, но горячо помолились устроенной въ вокзалѣ часовнѣ. Я просилъ Бога дать мнѣ силы сохранить отца и успокоить его изстрадавшуюся душу. Не знаю, что думалъ онъ, преклоняясь къ холодному полу своимъ горячимъ лбомъ, но когда онъ всталъ съ колѣнъ и обернулся ко мнѣ—на глазахъ его были слезы. Мы оба, точно сговорясь заранѣе, молча обнялись. Я не говорилъ ни слова, но мнѣ казалось, что отецъ чувствовалъ и понималъ, какъ горячо просилъ я его въ эту минуту вѣрять во всю глубину и нѣжность моей любви къ нему, въ мою искреннюю готовность, стать для него и другомъ, и утѣшителемъ, и сидѣлкой, и слугой, и внимательнымъ ученикомъ.

А неугомимый Николай Ивановичъ носился взадъ и впередъ по вокзалу, сдавалъ багажъ, бралъ билеты, толковалъ съ кондукторами. Раздался звонокъ,—и мы пошли въ вагонъ. Усѣвшись, отецъ глубоко и какъ-то рѣшительно вздохнулъ, точно и самъ онъ чувствовалъ, что съ этой минуты настаетъ для насъ новая жизнь, а вмѣстѣ съ ней и его выздоровленіе.

Я стоялъ у окна—безцѣльно глядя на суетившуюся толпу пассажировъ и думалъ о васъ, о томъ, что вы шумно собираетесь въ классъ, что меня уже не будетъ на урокахъ съ вами, какъ вы меня встрѣтите, когда я возвращусь. Наконецъ поѣздъ двинулся. Николай Ивановичъ проводилъ насъ до Нижняго Новгорода. Тамъ онъ увезъ меня отъ отца и долго толковалъ объ опасности его положенія и о томъ, что слѣдуетъ мнѣ дѣлать, чтобы поддерживать, ободрять и развлекать его. Затѣмъ мы простились,—и онъ уѣхалъ.

Я свято и строго исполнялъ все, что говорилъ мнѣ почтенный другъ моего отца. Первое время мнѣ было очень трудно, но за то теперь—я торжествую! Разумѣется, не смѣю я думать, что только вслѣдствіе моихъ заботъ поправился отецъ, но мнѣ все равно, почему бы это не случилось, дѣло только въ томъ, что онъ теперь опять — мой прежній—бодрый, сильный папа, неугомимый въ трудѣ и въ своихъ объясненіяхъ, въ которыхъ я безпрестанно нуждаюсь.

Николай Ивановичъ сказалъ правду. Нынѣшній годъ не ушелъ для меня даромъ, и я счастливъ, что поѣхалъ сюда, да еще съ такимъ руководителемъ, каковъ мой отецъ! Я видѣлъ, извѣдалъ и понялъ такія вещи, Павлуша, которыя и сами по себѣ могли-бы заставить меня «смотреть глазами и шевелить мозгами», а подъ вліяніемъ отца—онъ положить неизгладимую печать на всю мою жизнь.

Припоминаю я теперь наши споры съ Воминымъ, Горшковымъ, Ни-коленко, тобой и другими товарищами, когда бывало затѣвался разго-воръ о томъ, кто больше можетъ сдѣлать добра и, слѣдовательно, кто полезнѣе—докторъ, ученый, солдатъ, чиновникъ, учитель, работникъ, или еще кто иной. Какъ озадачилъ насъ рассказъ о пасторѣ Оберландѣ и его женѣ, которые неутомимымъ трудомъ и ни отъ чего не охладѣ-вавшей любовью къ своей паствѣ—преобразили заглохшій одичалый уго-локъ въ цвѣтущую, богатую страну, населенную честными трудолюби-выми, а слѣдовательно и во всемъ обезпеченными—людьми! Помню я, что тогда каждый изъ насъ выхвалялъ то назначеніе, которое самому ему приходилось больше по душѣ, а послѣ исторіи о пасторѣ Оберландѣ и его женѣ—многіе притихли, потому что оказалось, что не одно какое нибудь исключительное знаніе, а теплая вѣра, любовь къ ближнему и трудъ служить неисчерпаемыми источниками добра и счастья. Теперь же я вижу, что кусокъ честнаго хлѣба и мѣсто для добраго дѣла найдется для доктора, священника и инженера, и для учителя, и работника—и для каждаго человѣка, проникнутаго желаніемъ добра.

Прочти мои записки, если хочешь—передай ихъ и другимъ товари-щамъ. Я рассказываю въ нихъ все, что видѣлъ самъ, слышалъ отъ отца и другихъ знающихъ людей, и на какія мысли и чувства наводило меня все это. Думается мнѣ, что и ваши мысли не будутъ сильно разниться отъ моихъ, хотя чувства, можетъ быть, и будутъ слабѣе, но вина эта должна уже пасть на меня, потому что я плохой ихъ описы-ватель. Прошу простить мнѣ этотъ недостатокъ, потому что произошелъ онъ не отъ небрежности и лѣни. Мнѣ очень дороги мои воспоминанія о Сибири, и я такъ хотѣлъ-бы вполнѣ подѣлиться ими съ вами, но могу сдѣлать это только посылкою. Началъ я ихъ съ Енисейска потому, что раньше былъ вполнѣ поглощенъ заботами объ отцѣ, да и писать было неудобно. Впрочемъ, не жалѣй объ этомъ: я запишу все на обратномъ пути, а дѣло такимъ образомъ только выиграетъ; пока я ѣздилъ, на-блюдалъ и писалъ, я выучился лучше «открывать глаза и шевелить мозгами», какъ говорилъ нашъ милѣйшій Николай Пвановичъ.

Передай мой привѣтъ твоимъ добрымъ, почтеннымъ родителямъ. Мамѣ своей скажи, что я очень выросъ, округилъ и коротко стригу свои косматые волосы, которые она такъ часто бывало приглаживала, а папѣ, что я всѣми силами отбиваюсь отъ ошибокъ правопитанія и недостатка занятыхъ, за которые онъ такъ часто журилъ меня. Отецъ очень помо-гаетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, а объ успѣхахъ моихъ въ этомъ направленіи онъ можетъ судить, если прочтетъ страничку, другую изъ моей рукописи.

Я постоянно собираю все замѣчательное и незнакомое вамъ, — камни, травы, скелеты небольшихъ животныхъ. Выучился даже дѣлать чучела и чертежи картъ и приборовъ, и думаю привести съ собою цѣлый грузъ всѣхъ этихъ богатствъ. Отецъ безконечно добръ со мною, поощряетъ всѣ мои попытки сдѣлать что-нибудь дѣльное и часто, гдѣ не хватаетъ у меня силы и умѣнья, самъ замѣняетъ меня, не щадя ни труда, ни времени, ни издержекъ. Состояніе его духа уже не мрачное и отчаянное, а какое-то задумчиво-грустное, тихое и спокойное. По временамъ онъ даже шутить со мною и смѣется по старому. Однимъ словомъ, я совершенно счастливъ, милый Павлуша; а когда возвращусь къ вамъ, стану работать за десятерыхъ, и разсчитываю, что ты по прежнему останешься моимъ усерднымъ помощникомъ.

А пока — жму твою руку и обнимаю всѣхъ васъ, мои милые друзья — товарищи.

Твой

Владиміръ.

Енисейскій край.

Мы пріѣхали въ городъ Енисейскъ утромъ. Расположенъ онъ на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки Енисея. Въ немъ есть нѣсколько каменныхъ стросій, принадлежащихъ частью казпѣ, частью богатымъ купцамъ и золотопромышленникамъ. По большинство домовъ деревянные, и почти возлѣ каждого есть огородъ, что придаетъ ему нѣсколько разбросанный, сельскій видъ. Впечатлѣніе это еще усиливается тѣмъ, что дома располагаются на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, такъ что внутри города оказывается два очень большихъ пустыря—болота. Общій, довольно непривѣтный, видъ всего города значительно скрашивается видомъ 2-хъ монастырей—женскаго Крестовоздвиженскаго и мужскаго Спаскаго и шести церквей. Въ особенности хорошъ монастырь Крестовоздвиженскій, обнесенный каменной стеной и башнями. За городомъ расположено нѣсколько кузницъ, какъ черное пятно, заканчивающихъ пестроту его зданій и садовъ.

Я сообщилъ отцу о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня видъ Енисейска.

— Это еще одинъ изъ лучшихъ городовъ Сибири,—отвѣтилъ онъ.—Особенно процвѣтала онъ до 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Здѣсь были хорошіе мастеровые по всѣмъ ремесламъ и—въ особенности по кузнечной. Вся Иркутская и часть Томской области продовольствовались топорами и другими желѣзными идѣліями здѣшнихъ кузнецовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ открылись золотые прииски, все это поразрушилось, всѣ бросились туда. Кое-кто разбогатѣлъ, многіе погибли, а большинство разорилось. Теперешніе кузнецы едва удовлетворяютъ своей работой потребности города и его окрестностей; остальной народъ занимается рыбной ловлей, или

перевозной тяжести на прииски. Часто страдает городъ и отъ наводненій. Енисей принимаетъ въ себя множество притоковъ, и весной такъ переполняется водою, что она стоитъ иногда на 4½ аршина выше своего нормальнаго уровня. Если тебя удивить такое страшное количество воды, такъ я скажу тебѣ, что здѣсь снѣга бываютъ не такіе, какъ у насъ. Они лежатъ на землѣ слоємъ въ два и даже три аршина толщиной. Зима стоитъ здѣсь ровная, морозная, безъ оттепелей. У насъ если и упадетъ рыхлый снѣгъ, — придутъ оттепели, онъ отсырѣетъ, отяжелѣетъ и осадетъ, сдѣлается плотнѣе, и морозы еще крѣвче скуютъ его. Оттого у насъ весной онъ и таетъ медленно и постепенно. Здѣсь же снѣгъ — какъ упадетъ въ сильный морозъ, такъ и лежитъ рыхлой, пушистой массой вплоть до весны, и ужъ какъ пригрѣетъ его горячимъ, весеннимъ солнышкомъ, начинается онъ таять съ невѣроятной быстротой. И вѣдь это происходитъ не на одномъ Енисей, а и на всѣхъ притокахъ. Хороши еще тѣ года, когда Енисей вскрыетъ и выгнать свои льды раньше своихъ главныхъ притоковъ Ангары и Тасѣевой, а когда всѣ они три вскрываются вмѣстѣ, — бѣда несчастнымъ Енисейцамъ!

Говоря это, онъ быстро шелъ по улицѣ. Мы оставили свою поклажу въ гостинницѣ и пошли по городу пѣшкомъ, чтобы поразмять кости, которыя просто ломило отъ тряски и отъ долгаго сидѣнья. Я такъ усталъ отъ ѣзды, такъ меня затрясло и закачало, что мнѣ все еще казалось, что я ѣду. Я не твердо стоялъ на ногахъ. Однако, хоть и съ большими усиліями, а совладавъ съ собой и довольно бодро шелъ съ отцомъ.

— Николай Семёнович! — вдругъ крикнулъ отецъ, самъ перебивая себя и какъ-то радостно обращаясь къ человѣку, осторожно перебиравшемуся черезъ грязную улицу. — Вотъ-то не ждалъ, и даже надѣяться не смѣлъ, что встрѣчу въ Енисейскѣ стараго знакомаго! Узнали вы меня?

Человѣкъ, котораго такъ радостно окликнулъ мой отецъ, не торопясь подошелъ къ намъ, остановился противъ отца и внимательно сталъ вглядываться въ его лицо. Я же разсматривалъ его самаго. Это былъ мужчина лѣтъ около пятидесяти, здоровый, коренастый, съ большой головой, съ потемнѣвшими, грубыми руками, одѣтый очень скромно. Почти все лицо окутывала богатыр-

ская борода; волосы на головѣ были коротко острижены, и—только когда онъ улыбнулся въ отвѣтъ на радостное привѣтствіе отца, заставило меня удивиться то ясное, безконечно доброе и по дѣтски свѣтлое выраженіе, которое приняло это, съ перваго взгляда, суровое лицо.

— Узпять-то я васъ узналъ,—заговорилъ онъ,—и обрадовался бы очень, если-бы смотрѣли вы получше. Что это съ вами стало? Лѣтъ пятнадцать тому назадъ я слышалъ, что вы уѣхали въ Петербургъ, женились и остались тамъ навсегда. Послѣ того объ васъ не было ни слуху, ни духу, а вотъ теперь—ни жданно—ни гадапо встрѣчаю на улицѣ! Старый какой, сгорбленный—вы стали: на видъ право старше меня. — А это что за подростокъ?

Я поклонился, потому что «подросткомъ» оказалась моя собственная особа, а отецъ тотчасъ-же отвѣтилъ, глядя мнѣ руку на плечо и легонько подвигая впередъ:

— Это мой сынъ, Владиміръ. А это,—обратился онъ ко мнѣ:— Николай Семеновичъ Сердечныхъ, которому я многимъ, очень многимъ обязанъ.

— Ну, кто старое вспомнеть, тому, говорятъ, правый глазъ вонь,—сказалъ Сердечныхъ, ласково пожимая мнѣ руку и комично передразнивая мой поклонъ, при чемъ глаза его опять засвѣтились тѣмъ-же милымъ смѣхомъ.—А вотъ скажите-ка мнѣ лучше, какъ и зачѣмъ вы сюда попали, да еще съ этакимъ сакъ-вожемъ?—кивнулъ онъ на меня.

Отецъ коротко и грустно разсказалъ ему нашу исторію. Николай Семеновичъ слушалъ его молча, опустя свою громадную голову. Когда отецъ кончилъ, онъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Умный человекъ вашъ докторъ! Жаль, что онъ далеко, а то я устроилъ-бы ему славную охоту за хорошую мысль и показалъ-бы въ тайгѣ такія мѣста, которыя, кажется, только для того и созданы, чтобы человекъ, попавшій туда, внималъ гласу Божію. Хорошо сдѣлали, что послушались его—пріѣхали, да и сынишку съ собой захватили; Сибирь именно такой край, который можетъ заставить встрепннуться и почувствовать обязанность жить и дѣйствовать. Володькѣ мы тоже лѣниться не дадимъ, у меня и книги есть, да и безъ нихъ онъ многому научится, если не глупъ; а что касается до помѣщенія, то перебирайтесь прямо ко мнѣ. Я въдѣ

одинокій, а горниця у меня три, и стряпка почти свободная. По-отдохнете отъ дороги, можетъ быть—и соберемся куда-либо вмѣстѣ. У меня, кстати, дѣло интересное подвѣртывается. Насчетъ доставленія багажа ко мнѣ также не безпокойтесь,—у меня сосѣдъ, пріятель, мѣщанинъ, занимается перевозкой кладей на прински. Онъ теперь дома и живой рукой уладить все дѣло, а мы напьемся кофе да загусимъ саранкой. Вы не взыщите, — я по старому не изъ сладкожгихъ: сытъ, такъ—съ меня и довольно.

Онъ быстро тащилъ насъ по улицѣ, не переставая болтать.

Наконецъ, мы остановились въ довольно отдаленной части города, у калитки небольшого, но опрятненькаго домика.

— А вотъ и моя хата,—сказалъ Николай Семеповичъ, доставая изъ кармапа ключъ и отмыкая дверь.—Моя стряпка ушла въ огородъ, такъ я и заперъ дверь на ключъ, —хоть у меня и нечего взять лихому человѣку, а все спокойнѣе, когда малыя вещи защищены отъ лапъ незаконныхъ обладателей.

Мы вошли черезъ сѣни въ довольно большую комнату. На право и на лѣво были другія двѣ двери. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько стульевъ самой простой, даже грубой работы, посрединѣ столъ, накрытый толстой скатертью. На каждомъ изъ трехъ оконъ висѣли простыя деревянныя клѣтки со сворцами, а на подьоконникахъ стояли горшки съ цвѣтами. Но больше всего поразили меня въ этой комнатѣ два предмета. Въ углу, направо отъ входа, висѣла икона Божьей Матери въ кіотѣ прекрасной рѣзной работы, а вдоль той же стѣны картина молящагося Спасителя. Передъ иконой теплилась лампада.

Николай Семеповичъ замѣтилъ это.

— Это дорогія для меня вещи,—пояснилъ онъ: довелось мнѣ однажды удружить одному ссыльно-поселенцу, а онъ оказался рѣзчикомъ-художникомъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, вотъ и сдѣлалъ мнѣ на память эту кіоту. А это рисовала моя жена, когда.....

— Вотъ здѣсь я поселю васъ, вдругъ оборвалъ онъ самъ себя, и ввелъ насъ въ комнату направо. Она была меньше первой и окончателно поразила меня своимъ убранствомъ. Это былъ цѣлый музей чучель, образчиковъ глины, кампей, земли, шкуръ, какихъ-то незнакомыхъ мнѣ оружій, сѣтокъ и приборовъ.

— Всю эту рухлядь переселимъ въ столовую, а частью ко мнѣ

Для васъ же я раздобуду двѣ кровати, умывальникъ, письменный столъ да пару стульевъ. За простоту не взыщите. Да вѣдь довольно съ васъ будетъ. Я не могу долго сидѣть на мѣстѣ, да и вы не за этимъ дѣломъ пріѣхали. Однако, до свиданія, — пойду за перевозчикомъ, да крикну изъ огорода свою старуху.

И онъ ушелъ.

— Папа, кто онъ такой?—сказала я отцу. —И какая у него странная фамилія—Сердечныхъ!

— Да, это особенность коренныхъ сибирскихъ фамилій, —отвѣчалъ отецъ:—онѣ почти все оканчиваются точно въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, только съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Ты часто услышишь здѣсь фамилія вродѣ: Толстыхъ, Красныхъ, такъ точно и Сердечныхъ. А что касается самаго Николая Семеновича, то это очень несчастный и удивительно хорошей и добрый человекъ. Родомъ онъ сибирякъ, изъ здѣшнихъ мѣстъ, и росъ здѣсь до двѣнадцати лѣтъ. Потомъ его отвезли въ Петербургъ. Учился онъ прекрасно, окончилъ курсъ —и все-таки постоянно и усидчиво работалъ надъ своимъ образованіемъ. Двадцати восьми лѣтъ онъ женился. Завѣтной мечтой его было возвратиться въ Сибирь, но такъ какъ собственныхъ средствъ на это не было, пришлось просить и ждать казеннаго назначенія. Оно было дано ему именно въ то время, когда у него родился сынъ. Онъ былъ невыразимо радъ и счастливъ, собрался очень скоро и отправился въ путь. Но ни жена, ни ребенокъ не вынесли дороги. Онъ схорошилъ здѣсь обоихъ и съ тѣхъ поръ навсегда основался въ Енисейскѣ. Службу онъ оставилъ по болѣзни, которая чуть было не свела въ могилу и его самаго. Какъ только къ нему возвратились силы, онъ сталъ присоединяться къ партіямъ развѣдчиковъ, зимой ловить рыбу, охотиться на звѣря. Край здѣшній онъ знаетъ прекрасно. Очень часто богатые золотопромышленники—то поручаютъ ему развѣдки, то посылаютъ осмотрѣть свои пріиски. Зарабатываетъ онъ много, но все его деньги идутъ на добрыя дѣла, на помощь ближнему. Въ душѣ онъ, кажется, считаетъ себя причиной смерти жены и сына: онъ думаетъ, что принесъ ихъ въ жертву своей фантазіи переселиться въ Сибирь. Любимая поговорка его: не сдумалъ сберечь своего счастья, значить —не достоинъ его, а такъ какъ счастье на землѣ необходимо, живи хоть чужимъ. И вся жизнь его идетъ на эту работу для чужаго счастья, — за

одного онъ платитъ подати, другаго лечить, третьяго кормить и содержать на своей квартирѣ до прискація мѣста, четвертаго учить. Одинъ человекъ не могъ бы сдѣлать всего того, что дѣлаетъ онъ, но весь секретъ его въ томъ, что своимъ умомъ, честностью, безкорыстіемъ и всегдашней готовностью услужить каждому — онъ приобрѣлъ такую любовь и уваженіе ото всѣхъ, кто его знаетъ, что никто не рѣшится отказать ему въ его просьбѣ. Для себя онъ никогда и ничего не проситъ, — за то, если онъ зоветъ доктора къ своему больному, тотъ идетъ сейчасъ же и не возьметъ денегъ. Если онъ рекомендуетъ золотопромышленнику приказчика или рабочаго, тотъ беретъ его съ радостію, потому что увѣренъ, что Сердечныхъ правдиво опишетъ ему человекъ и укажетъ именно то назначеніе, къ которому онъ очень пригоденъ. И такъ во всемъ. Я познакомился съ нимъ еще въ молодости: онъ спасъ мнѣ жизнь и долго нянчился со мною во время болѣзни. Тогда я привязался къ нему, какъ ребенокъ, и теперь считаю большимъ счастіемъ для насъ обоихъ, что мы повстрѣчались съ нимъ. Картину эту рисовала его жена, ему въ подарокъ, когда была еще его невѣстой, такъ какъ онъ всегда былъ глубоко религіозенъ. Не спрашивай его о ней, — ему очень тяжело вспоминать свое прошедшее.

Послѣднія слова отецъ проговорилъ скороговоркой и въ подголоса, потому что въ сѣняхъ послышались шаги Николая Семеновича.

— Ну-съ, все слажено! весело заговорилъ онъ: — а пока намъ готовить завтракъ, да привезутъ ваши вещи, пойдемте въ мой сгородъ, — тамъ и скамеечка, и тѣнь найдутся.

Въ огородѣ все было въ удивительномъ порядкѣ, гряды чисто выполотыя, кусты подвязанные. Но больше всего мнѣ бросилось въ глаза довольно большое пространство, усаженное прекрасными ярко-пунцовыми цвѣтами — въ родѣ колокольчика большихъ размѣровъ. На цвѣтникъ это не было похоже и — очень заинтересовало меня своимъ красивымъ видомъ. Я подошелъ и сталъ разсматривать.

Все растеніе представляло изъ себя довольно толстый стебель около 1-го аршина вышиною, съ яркозелеными продолговатыми листьями, цвѣтокъ въ видѣ бокала или колокольчика, длиною верхка въ полтора и шириною въ раскрытой части въ верхокъ; росло оно на небольшомъ разстояніи одно отъ другаго, въ родѣ нашего картофеля, такъ — что издали представляло видъ поляны, поросшей яркими пун-

цовыми цвѣтами. Возлѣ нѣсколькихъ рядовъ этихъ цвѣтковъ были другіе, помельче; лепестки цвѣтовъ загибались назадъ, какъ рога у барапа, и все растеніе было меньше ростомъ, чѣмъ первое.

Николай Семеновичъ шелъ неподалеку сзади меня, разговаривая съ отцомъ, но замѣтивъ, что я внимательно рассматриваю цвѣты, и не дожидаясь моего вопроса, самъ подошелъ ко мнѣ съ объясненіемъ.

— Это *сарана* или *саранка*, по латыни: *Lilium Lavriacum, tenuifolium* и *Martagon*. Здѣсь растетъ ея много и въ дикомъ состояніи, всѣ ее любятъ, особенно простопародье. Это корнеплодъ, который отлично замѣняетъ картофель. Вотъ видишь, какой у нея корень?—сказалъ онъ, выдергивая одно растеніе и показывая мнѣ продолговатую луковичу, покрытую бѣловато-желтой пленкой. — Теперь она еще молода и не достигла полныхъ своихъ размѣровъ, а вполнѣ разившаяся—она бываетъ длиною въ $\frac{3}{4}$ вершка, а толщиною въ $\frac{1}{2}$ вершка. Вотъ это другой видъ сараны: ростомъ стебля она меньше и цвѣтки завиваются, но зато луковичы въ ней больше. Народъ зоветъ его барашкомъ. Оба эти вида употребляются здѣсь въ пищу. Изъ нихъ дѣлается муга; варятъ ихъ просто, какъ картофель или спаржу, дѣлаютъ соусы. Ипородцы-же по большей части сушатъ луковичы, мелютъ ихъ въ муку и пекутъ изъ нея лепешки. Говорятъ, что она имѣетъ даже цѣлебныя свойства въ случаяхъ чахотки. Право, какъ пораздумаешь, какъ премудро устроено все въ природѣ!—ничтоженъ и жалокъ становится человекъ со своими ухищреніями и иногда непомѣрнымъ умственнымъ трудомъ. Начни онъ съ самаго пачала внимательно наблюдать природу, не сбивая самъ себя съ толку разными догадками, фантазіями и гипотезами,—такъ онъ былъ-бы куда дальше теперешняго въ отношеніи пользованія этой природой. Вотъ хоть теперь эта сарана. Знаете—что я серьезно убѣжденъ, что употреблять ее въ пищу люди выучились отъ мышей. Онѣ ее чрезвычайно любятъ и запасаютъ на зиму въ довольно большихъ и глубокихъ ямахъ, погребахъ, вокругъ которыхъ располагаютъ свои норы. Ипородцы знаютъ это и часто разоряютъ бѣдняжекъ, выкрадывая весь ихъ запасъ. Есть и еще одна заслуга, которую мыши оказали и до сихъ поръ еще оказываютъ людямъ. Енисейскъ часто бѣдствуетъ отъ наводненій—и знаете, кто первый возвѣщаетъ о ихъ приближеніи въ то время, когда люди еще и не думаютъ о нихъ?—мыши. Обыкновенно

венно, онѣ селятся по всеѣмъ домамъ и по всеѣмъ этажамъ, но какъ только зачуютъ приближеніе весны, въ которую Енисей долженъ разлиться, — тотчасъ начинаютъ перебираться въ верхніе этажи, на чердаки, — словомъ всюду, куда не можетъ хватить наводненіе. У насъ это все знаютъ. Какъ поползли мыши кверху — значить бѣда! и люди заранѣе принимаютъ различныя мѣры предосторожности. Въ тѣ же года, когда вскрытіе Енисея проходитъ благополучно, мыши спокойно живутъ и странствуютъ повсюду, и внизу, и вверху. Такъ-то и во всемъ. Смотри только на природу — не какъ на украшеніе или необходимое зло, или случайное собраніе предметовъ, а какъ на чудную зависимость и связь явленій и предметовъ, — она и сама станетъ твоей учительницей и откроетъ тебѣ такія чудеса, тайны и богатства, которыя и не пришли бы тебѣ въ голову безъ наблюденія надъ ней. Я развелъ у себя сарану съ особенной цѣлью — хотѣлъ выучиться со своей старухой выращивать ее въ возможно лучшемъ видѣ. Въ Туруханскомъ краю у меня есть нѣсколько пріятелей поселенцевъ. Бѣдствуютъ они тамъ, — картофель у нихъ разболѣлся, и все уже нѣсколько лѣтъ ѣдятъ они чуть не гниль, а отсюда идутъ разныя болѣзни. Я нынче потянусь туда — хочу отвезти имъ сѣмянъ саранки и свои знанія по части ухода за ней.

Конечно, она водится и тамъ, даже въ дикомъ состояніи; тунгузы ее знаютъ и настолько уважаютъ, что у нихъ, въ ихъ тринадцати-мѣсячномъ году, мѣсяцъ, который соотвѣтствуетъ половинѣ нашего іюля и августа и называемый *канякитъ*, опредѣляется именно порой выкапыванія горней сараны. А все-таки хорошій уходъ, основанный на долгомъ изученіи, даетъ больше выгоды отъ того же растенія.

«Значить, напрасно дразнили мы сестру Павлуши, Катю, за то, что она — хоть и большая барышня, а цѣлое лѣто, съ утра и до вечера, копается въ огородѣ съ рѣдкой да рѣпой, — подумалъ я: — вѣдь она еще тогда говорила, что хочетъ отъ нечего дѣлать провѣрить одну огородническую книгу на опытѣ. Оказывается, что и хорошіе огородники могутъ принести большую пользу не десяткамъ, а тысячамъ людей, — могутъ показать, какъ замѣнить одно растеніе другимъ, которое и питательнѣе, и здоровѣе другаго, и можетъ убе-

речь ихъ отъ многихъ болѣзней. Только для этого нужно много и хорошо учиться ботаникѣ, что и дѣлала Катя.»

Мы возвратились въ домъ и позавтракали. Подана была каша изъ саранки съ тынкой. На вкусъ она оказалась сладковата. Послѣ завтрака, мы стали переносить вещи изъ музея Николая Семеновича. Я было присталъ къ нему и отцу съ распросами обо многихъ вещахъ, которыя меня интересовали, но Николай Семеновичъ сразу осадилъ меня.

— Знаешь что, Володя, — сказалъ онъ: — всѣ эти вещи ты увидишь въ дѣлѣ или въ самой природѣ, тогда и запомнишь ихъ лучше и поймешь, да, кромѣ того, не потеряешь времени на излишнія повторенія. Покуда мы на мѣстѣ, занимайся чтеніемъ — да повтореніемъ того, что ты прошелъ въ гимназій, а я и отецъ тебѣ поможемъ. Вотъ тебѣ ключъ отъ моего шкапа съ книгами: тамъ найдешь всѣ руководства, да и чтеніе полезное. Такъ будетъ лучше.

Отецъ улыбнулся и крѣпко пожалъ руку своего старика друга и спасителя.

— Чтобы мы стали съ нимъ дѣлать здѣсь безъ васъ, Николай Семеновичъ?! проговорилъ онъ съ чувствомъ.

— А тоже, что и со мной, — отвѣтилъ тотъ просто: — вѣдь ѣхали вы сюда — не рассчитывая на меня, — значитъ, соображали, какъ быть. Что же касается до удовольствія имѣть возлѣ себя порядочнаго человѣка, то повѣрьте мнѣ, что хорошихъ людей на свѣтѣ много, будь только самъ съ ними хорошъ.

Мы прожили у Сердечныхъ цѣлую недѣлю. По утрамъ онъ уходилъ куда-то изъ дому, а мы съ отцомъ по нѣсколькимъ часамъ занимались моими уроками. Послѣ завтрака отецъ ложился, а я читалъ ему вслухъ. Вечеромъ мы гуляли или разговаривали, сидя въ огородѣ. Впрочемъ, я больше слушалъ, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе тянула меня къ себѣ простая, честная и по этому самому симпатичная личность Николая Семеновича, его свѣтлая улыбка, его умные глаза. Когда онъ говорилъ, — какъ-то безотчетно сознавалось, что слушаешь человѣка — пережившаго много горя, искоренившаго въ себѣ много себялюбія, много наблюдавшаго и много думавшаго обо всемъ видѣнномъ. А между тѣмъ, я никогда не слышалъ отъ него ни одного слова похвалы самому себѣ, — во всѣхъ своихъ разказахъ онъ оставался на второмъ планѣ, часто даже

съ искреннимъ раскаяніемъ упрекать себя въ недостатокъ знанія, сметливости или рѣшительности въ томъ или другомъ случаѣ. Выходило, что будто чуть-ли не онъ виноватъ во всѣхъ случавшихся при немъ несчастіяхъ. Отецъ часто спорилъ съ нимъ и трунилъ надъ его добротой и безсребрянничествомъ, но онъ, благодушно улыбаясь, продолжалъ доказывать свое, и споръ почти всегда кончался тѣмъ, что отецъ съ истиннымъ почтеніемъ сдавался на его доводы, а по вечерамъ, ложась со мною спать, говорилъ, что не видалъ еще человѣка умнѣе, добрѣе и честнѣе Сердечныхъ.

Въ одно утро, я кончалъ французскій переводъ, сидя въ своей комнатѣ. Слышно было, какъ быстро распахнулась входная дверь, какъ вошелъ Николай Семеновичъ и сталъ что-то весело и шутиливо приказывать старой Маланьѣ, а та отвѣчала ему добродушной воркотней. Скоро шаги его раздались у дверей моей комнаты. Онъ постучался. На мою просьбу войти, онъ отворилъ дверь. — Кончай писать, Володи, — сказалъ онъ, — пора завтракать. А гдѣ отецъ? — Сидитъ въ саду и читаетъ.

— Хорошо, такъ иди — зови и его, а я вамъ расскажу нѣчто хоршее.

Сѣли за столъ. Николай Семеновичъ былъ необыкновенно веселъ и оживленъ, — шутилъ со мной, поддразнивалъ Маланью, но рассказывать, казалось, ничего не собирался.

— Вы, кажется, хотѣли рассказать что-то, напомнилъ я.

— Хотѣлъ — и расскажу, только въ свое время. А теперь начну съ того, что прикажу тебѣ уложить всѣ мои книги въ шкапъ, замкнуть ихъ и больше не смѣть трогать.

— Неужели онъ небреженъ съ ними? — озаботился отецъ, а я покраснѣлъ и удивленно вытаращилъ глаза.

— Нѣтъ, я шучу, — отвѣтилъ Николай Семеновичъ. — Дѣло вотъ въ чемъ. Здѣшній купецъ Красныхъ, богатый золотопромышленникъ, развѣдалъ отъ инородцевъ про богатый, еще неизвѣстный, приискъ — и хочетъ послать развѣдку. Старые приказчики у него всѣ въ разгонѣ, остался одинъ, молодой, неопытный. Вотъ и присталъ онъ ко мнѣ: ступай и я въ тайгу съ его партіей. Сначала-то я было призадумался, потому что имѣлъ въ мысляхъ другое дѣло, а потомъ сообразилъ, что его можно отодвинуть. Сегодня мы съ Борзухинымъ порѣшили все окончательно. Рассказалъ ему о новой

розсыпи старый знакомый тунгузъ. Опъ у него и сына крестиль. Принесъ оттуда и золота, и песку. Видно, что содержаніе очень богатое, такъ что Красныхъ рѣшается рискнуть—послать прямо развѣдочную партію, такъ что придется пробывать въ тайгѣ долго.

— Такъ вотъ отчего вы такой веселый, — сказалъ отецъ.

— Да, отъ этого. Признаюсь вамъ, я всегда иду въ тайгу—точно на свиданіе съ милымъ далекимъ человѣкомъ. Есть въ ней много бѣдъ, неудобствъ, лишеній, даже опасностей; но среди дикой природы человѣкъ всегда чувствуетъ себя передъ лицомъ Бога. А на этотъ разъ съ этимъ походомъ я свяжу еще два очень дорогихъ для меня дѣла. Во-первыхъ, хочу тащить туда и васъ съ Володей... Пойдемте, право: вѣдь и докторъ вашъ сюда за этимъ васъ гналъ, и время хорошее, и дѣлать вамъ больше нечего. Во-вторыхъ, есть здѣсь у меня два человѣка. Они простые мужики; пришли сюда на заработки, тоже на пріиски собирались, да пролежали время наймовъ въ больницѣ. Я здѣсь часто по больницамъ хожу, старыхъ знакомыхъ разыскиваю. Запримѣтилъ я ихъ, — оказались оба горькіе пьяницы, а люди семейные; дома семьи голодаютъ, а они пропиваютъ послѣднюю одежку, да и безъ заработковъ шатаются. Поговорилъ я съ ними по душѣ, и упробилъ Борзухина, чтобы взять ихъ съ собою, въ числѣ рабочихъ при партіи. Теперь, хоть они и здоровы, докторъ обѣщаль выдержать ихъ въ больницѣ, пока не тронется партія, а тамъ куплю имъ все нужное, да самъ стану присматривать въ тайгѣ. А заработокъ весь домой къ семьямъ отошлю.

— Много душъ за васъ будутъ Бога молить, Николай Семеновичъ, — сказалъ отецъ: — вы все прежній.

— Нечего вамъ меня хвалить, — я это для себя дѣлаю. Партія идетъ подъ моимъ надзоромъ, а я вижу, что люди они сильные, смышленные, смѣлые. Вотъ и все.

— Рассказывайте! — недовѣрчиво пробормоталъ отецъ.

— Ну, такъ пойдете вмѣстѣ съ нами? — спросилъ Сердечныхъ, видимо спѣша переимѣнить разговоръ.

— Да, хотѣлъ-бы, только за Володю боюсь.

— Беречь будемъ, да вѣдь онъ, слава Богу, не маленькій и не разслабленный.

— Хорошо, попробуемъ.

— Такъ я сегодня-же увишу васъ, куда слѣдуетъ, — тогда уже передумывать будетъ поздно. А пока до свиданія.

Онъ раскланялся и ушелъ.

Я былъ очень радъ, что отецъ рѣшился пуститься въ тайгу. Только удивило меня, что Николай Семеновичъ собирался насъ вписать куда-то, послѣ чего и отказаться будетъ нельзя. Я спросилъ объ этомъ у отца.

— Это законъ такой, — отвѣтилъ онъ. — Вотъ видишь, въ чемъ дѣло. Положимъ, къ какому-нибудь золотопромышленнику приходитъ тунгузъ, остякъ или какой нибудь другой инородецъ — и сообщаетъ ему, что онъ нашелъ мѣсто, гдѣ есть золото, и берется проводить туда его людей, т. е. цѣлую партію, чтобы они увидѣли, что онъ говоритъ правду, изслѣдовали — сколько золота дастъ промывка ста пудовъ песку, и какъ глубоко лежитъ золотоносный пластъ въ землѣ и на какомъ именно мѣстѣ находится приискъ. Тотъ самый инородецъ, который сообщитъ золотопромышленнику объ открытіи золота въ незанятой еще мѣстности, дѣлается проводникомъ этой партіи, которая и называется *поисковой*. Когда мѣстность прииска уже опредѣлена, то поисковая партія возвращается. Золотопромышленникъ заявляетъ объ новомъ приискѣ или россыпи въ полицейское управленіе и проситъ разрѣшенія послать туда партію *разведочную*. При этомъ онъ долженъ переименовать и всѣхъ, кто участвуетъ въ партіи, даже послѣдняго рабочаго. Такъ вотъ объ этой-то заявкѣ въ полицейское управленіе и говорилъ Николай Семеновичъ: что надо записать и насъ съ тобой.

— А зачѣмъ это дѣлается, папа? Развѣ полиціи не все равно, кто найдетъ золото? — спросилъ я.

— Для того, мой милый, чтобы, во-первыхъ, не могли безъ вѣсти пропадать люди въ тайгѣ, потому что у товарищей спросить, что съ ними случилось; во-вторыхъ, чтобы никто не могъ промывать золота потихоньку отъ правительства, потому что оно взимаетъ извѣстный налогъ.

— Скоро мы отправимся?

— Не знаю, — не успѣлъ спросить у Николая Семеновича.

Я присталъ было къ отцу съ распросами, какъ и что будетъ, но получилъ очень короткій отвѣтъ:

— Скоро самъ все увидишь, а чего не поймешь, — спроси меня

тогда я тебѣ и объясню. А теперь убери книги, какъ говорилъ Николай Семеновичъ.

Подъ мной, какъ говорится, земля горѣла отъ нетерпѣнія скорѣй пуститься въ путешествіе, отъ котораго я ожидалъ такъ много интереснаго и новаго.

Вечеромъ, за ужиномъ, отецъ сказалъ мнѣ и Николаю Семеновичу, что, отправляясь въ тайгу, онъ непременно хочетъ имѣть возлѣ меня человѣка хорошо знакомаго съ таежной жизнью и ея опасностями. Я принялся было отговаривать его отъ этого рѣшенія. Николай Семеновичъ тоже поддерживалъ меня, но отецъ такъ твердо стоялъ на своемъ, что я принужденъ былъ замолчать, а Николай Семеновичъ, наконецъ, обѣщалъ, что завтра приведетъ мнѣ «няньку», какъ онъ выразился, шутливо мнѣ подмигивая. Тогда мнѣ было обидно отъ этого распоряженія отца: мнѣ думалось, что я достаточно великъ и уменъ, чтобы справляться самому безъ няньки, но скоро послѣ того я былъ ей очень радъ и не разъ благодарилъ отца, и въ душѣ, и на словахъ, что не сдѣлся онъ тогда на мои душныя, чванливыя рѣчи.

На другой день, Николай Семеновичъ явился къ завтраку съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, котораго и провелъ прямо въ нашу комнату.

Я не могъ не удивиться, очутившись передъ этимъ чудачкомъ, потому что до тѣхъ поръ не видалъ еще ничего подобнаго. Это былъ человѣкъ средняго роста, черноволосый, съ желтымъ плоскимъ лицомъ, широкимъ лбомъ, странно вырѣзанными глазами, отъ носа вверхъ виска. Волосы были собраны въ пучекъ на затылкѣ и связаны ремешкомъ. Одѣтъ онъ былъ также очень странно и своеобразно. На ногахъ, не смотря на лѣтнее время, были натянуты высокіе сапоги выше колѣна, сшитые изъ шкуры съ ногъ оленя, шерстью вверхъ (впослѣдствіи я узналъ, что эта часть оленьей шкуры называется у сибиряковъ *сокуямъ*, а такіе сапоги *сотурами*). Изъ-за нихъ были уродливо выпущены широчайшіе, старые, порыжѣвшіе и потертые плисовые шаровары, а въ нихъ заправлена также старая красная рубашка. Сверху была накинута солдатская шинель, но уже безъ погоновъ и пуговиць, въ рукахъ онъ держалъ кепи безъ козырька. Ясно было, что вся эта смѣсь одежды

кучера и солдата была набрана съ разныхъ сторонъ, а не то—что бы считали для того, на комъ была надѣта теперь.

— Вотъ вамъ именно такой человекъ, какого вы желали имѣть возле Володи въ тайгѣ, — заговорилъ Николай Семеновичъ, указывая на него. — Онъ тунгузъ и еще недавно былъ лучшимъ охотникомъ, какого я когда либо знавалъ. Съ нимъ бояться нечего. И зовутъ-то его по крещенію Антипъ, а по прозвищу Медвѣдь, за то, что онъ много загубилъ ихъ на своемъ вѣку.

Тунгузъ весело улыбался и кланялся.

— Если хотите, онъ представитъ вамъ, кромѣ своей особы, пару отличныхъ собакъ.

— Благодарю васъ, Николай Семеновичъ, — отвѣтилъ отецъ, вставая съ кровати, на которой лежалъ:—вы уже съ нимъ условились?

— Да, если только онъ вамъ понравится. Онъ говоритъ по русски.

— Ну, что, братъ, пойдешь съ нами въ тайгу? — обратился отецъ къ Антипу:—работы отъ тебя я никакой не требую, только вотъ сынишку моего береги.

— А бачка (батюшка) Накола Семень пойдетъ?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да ужь гдѣ ему усидѣть въ городѣ, если люди идутъ въ тайгу, — отвѣчалъ Сердечный, самъ подшучивая надъ своей страстью къ дикой природѣ, — пойду, пойду и я съ вами.

— Тады, карошъ, пойдетъ и я. Дитя беречь можна. Свои были да померли. Дитя даже олень берегетъ. Собакъ карошъ возмемъ пара. Карошъ собакъ, карошъ и есть, — хозяйнъ и дитя въ обиду не даетъ, — медвѣдя сялъ.

— Ну, такъ хорошо, — иди же къ своему хозяину и скажи, что уйдешь со мной мѣсяца на три.

Тунгузъ поклонился и ушелъ.

Николай Семеновичъ какъ-то вскользь рассказалъ отцу, что Антипъ живетъ безъ жалованья у какого-то богатаго золотопромышленника, смотритъ за его собаками и охотничьими приборами, но за то имѣетъ право, когда вздумаетъ, уходить въ тайгу, когда и съ кѣмъ вздумаетъ.

— Безъ этихъ прогулокъ, дикарь этотъ просто умерь-бы съ тоски по своему дѣсу и снѣгу, — прибавилъ онъ.

О своемъ знакомствѣ съ нимъ онъ не сказалъ ни слова.

На другой день, Антипъ явился къ намъ съ двумя собаками и принялся хлопотливо и осмотрительно за наши сборы. Видно было, что дѣло знаетъ онъ хорошо, а къ Николаю Семеновичу чувствуетъ какую-то собачью преданность.

Я скоро просто подружился съ нимъ, а теперь обязанъ ему уже очень многимъ. Это смышленный, живой, веселый и добрый человекъ. Впрочемъ, ты часто будешь встрѣчаться съ нимъ въ моихъ разказахъ — и самъ увидишь, что за славное созданіе Божіе мой Акимъ-Медвѣдь, — какой онъ забавный ребенокъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и что за удивительно храбрый мужчина въ другихъ. Теперь передамъ тебѣ только то, что онъ разсказалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Николаемъ Семеновичемъ и переселеніи въ Енисейскъ.

Тунгузы составляютъ отдѣльный номадный народъ, который кочуетъ съ мѣста на мѣсто, со своими оленями, между Леною и Енисеемъ. Они вообще считаются главнымъ инородческимъ (т. е. инаго, не русскаго рода) племенемъ Сибири, и потому что ихъ больше, и потому что они смышленѣе и проворнѣе другихъ. Раздѣляются они на десять родовъ, почти всѣ крещеные, но въ тайгѣ, въ своей обыденной жизни остаются вѣрны своей первоначальной религіи, — *шаманству*. Даже у каждаго по два имени, — одно по крещенію, христіанское, другое языческое, по названію какого нибудь предмета или качества, которымъ особенно отличается тотъ, кто его носить. Антипа звали по-тунгузски Медвѣдемъ потому, что онъ особенно удачно охотился на этого звѣря. Онъ перевелъ свое прозвище на русскій языкъ кому-то изъ людей, служившихъ вмѣстѣ съ нимъ у золотопромышленника, другіе подхватили — и съ тѣхъ поръ и по русски его начали звать Антипка-Медвѣдь.

Всѣ тунгузы занимаются звѣроловствомъ и содержаніемъ большихъ стадъ сѣверныхъ оленей и, по этому роду существованія, живутъ въ глубокой тайгѣ или ночуютъ по тундрамъ, и только въ извѣстное время года выходятъ къ берегамъ Енисея — для продажи купцамъ пушнаго товара, т. е. мѣховъ, для закупки пороху и другихъ вещей, а также для уплаты податей. Это называется у

нихъ выходить на сугланъ. Въ недавнее время между ними и остяками свирѣствовала страшная оспа. Цѣлыя семейства вымирали поголовно. Нѣкоторые со страху разбѣгались по лѣсамъ и тамъ погибали отъ голода, стужи и звѣрей. Въ это страшное время у Антипа умерла жена, трое дѣтей и всѣ близкіе. Онъ самъ заболѣлъ, только не оспой, а горячкой, и лежалъ одинокій, умирающій въ своемъ чумѣ. Несчастному дикарю некому было подать напитокъ или развести огонь. Приходилось умирать, если не отъ болѣзни, то отъ голода и холода. Въ этомъ году Николай Ивановичъ, неизвѣстно зачѣмъ, былъ въ Туруханскомъ краю и много ходилъ по тамошней тайгѣ и тундрѣ. Антипъ говорилъ мнѣ съ какимъ-то таинственнымъ ужасомъ, что этотъ человѣкъ не боялся этой страшной болѣзни, а ходилъ по чумамъ и помогалъ больнымъ. Я, какъ могъ, объяснилъ ему, что если привить оспу, то бояться зараженія ею нечего. Онъ печально покачалъ головой и сказалъ, что счастливы родители, которые знаютъ это во время,—у нихъ не умираютъ дѣти. Николай Семеновичъ случайно набрелъ на его чумъ, сжалился надъ бѣднягой и сталъ за нимъ ухаживать, пока не нашелъ возможности добраться съ нимъ до ближайшаго зимовья на Енисей. Тамъ Антипъ окончательно выздоровѣлъ, но уже не захотѣлъ болѣе возвращаться въ тайгу, — она для него опустѣла безъ семьи, а все простое, добродушное сердце занялъ Николай Семеновичъ. За нимъ переселился онъ въ Енисейскъ и, чтобы не быть ему въ тягость, поступилъ на то мѣсто, откуда перешелъ къ намъ. Денегъ онъ отъ золотопромышленника не получалъ, но за него платили подати, давали ему столъ, квартиру и платье.

Часто я хохочу надъ нимъ до слезъ. Онъ очень любитъ наряжаться. Все, что найдетъ у насъ стараго или лишняго, хоть себѣ тесемку отъ покупки, — сейчасъ-же надѣваетъ на себя и бѣжить смотрѣться въ зеркало отцовской дорожной шкатулки. И надо видѣть эту раздвольную, улыбающуюся фізіономію! Впрочемъ, не подумай, Павлуша, что мой Антипъ-Медвѣдь глупъ. Отецъ говоритъ, что эта слабость наряжаться замѣчается у всѣхъ народовъ, какъ только они начинаютъ сходитья съ людьми цивилизованными. Они понимаютъ, что образованные люди выше ихъ — и, разумѣется, начинаютъ подражать имъ, а такъ какъ это легче всего въ одеждѣ, и она больше всего бросается имъ въ глаза, то они

начинають рядиться, что выходить у нихъ и безтолгово, и безвкусно, и некрасиво, какъ тотъ нарядъ, въ которомъ я въ первый разъ видѣлъ Антипа.

Передъ нашимъ отходомъ въ тайгу, отецъ купилъ ему полный нарядъ сибирскаго охотника, винтовку, ножъ и рогатину. Онъ такъ обрадовался этому подарку, что схватилъ меня на руки и сталъ бѣгомъ носить по двору. Насилу я вырвался изъ его желѣзныхъ рукъ!

А между тѣмъ сборы наши продолжались и велись очень спѣшно. Отъ кунца-золотопромышленника назначалось двадцать лошадей, для насъ отецъ купилъ четырехъ. Меня удивило, что не было видно ни телѣгъ, ни какихъ другихъ экипажей, въ которые можно бы было размѣстить все то, что приходилось брать съ собою. А взять съ собою нужно было многое.—Я видѣлъ цѣлые кули съ ячневой крупой, цѣлыя груды кирпичнаго чаю, сала, хлѣбныхъ сухарей. Всего этого должно было хватить на то, чтобы прокормить двадцать человекъ рабочихъ въ продолженіи мѣсяца, а можетъ быть и больше. Кромѣ принасовъ, нужны были инструменты; для прикащика полагалась цѣлая складная палатка изъ нанки, натянутой на тонкихъ, желѣзныхъ прутьяхъ.

Я спросилъ одного изъ рабочихъ, во что-же уложить эти запасы?

— Эхъ, баринъ,—отвѣтилъ онъ,—во что уложить?—въ сумы переметныя уложить, да прямо и навьючатъ на лошадей. Я подошелъ къ нему поближе и сталъ разсматривать двѣ огромныя сумки, формой похожія на тѣ, которыя носятъ почтальоны, только во много разъ больше. Онѣ соединялись между собою широкимъ ремнемъ.

— Ну, вотъ, въ эти сумы переметныя и уложимъ все, да и будемъ ихъ переметывать черезъ спины лошадей,—одна сумка будетъ висѣть съ одного бока, другая съ другаго.

— Вы ѣхали по большой дорогѣ, такъ думаете, что и вездѣ такъ хорошо ѣздить. Нѣтъ, наши таежныя дороги шутить не любятъ! Еще новая и старая Лифантьевскія дороги, по которымъ доставляютъ клади на пріиски,—ничего,—зимой можно, хочъ съ грѣхомъ пополамъ, пробраться съ возомъ, а ужъ весной и осенью—и верхомъ, и пѣшкомъ—онѣ чистое наказаніе Божіе! объ возѣ и

думать нечего. Я самъ разъ пробирался весной на прискъ въ пѣшкомъ, да чуть не утонулъ. Шель по дорогѣ, вижу передъ собой снѣгъ—гладкій, ровный, крѣпкій,—шагнулъ впередъ, да и провалился по самое горло,—карабкался, карабкался, насилу вылезъ весь мокрый. Это, видите, съ горы вода подобралась, подмыла снѣгъ—да и бѣжить подъ нимъ ручьемъ. Ну, что-же бы стать съ возомъ въ этакой оказіи дѣлать!—лошадь убьешь, а съ мѣста не тронешься. И тагъ-то уже, не приведи Господи, сколько лошадей гибнетъ на дорогахъ! Вотъ пойдемъ, такъ сами увидите, сколько костей валяется; а сколько еще волки унесли!

— Отчего-же это дороги у васъ такія дурныя, — перебилъ я его, — не чинятъ ихъ развѣ?

— Чинить!—повторилъ онъ и грустно, и досадливо. Тутъ и проложить-то—исторія длинная. Вѣдь вся тайга, какъ море волнами, всколыхалась невысокими горками, а между ними долинки мелкія. По этимъ долинкамъ да горкамъ растетъ лѣсъ вѣковѣчный, дремучій, такой густой, что и пѣшему-то инымъ мѣстомъ не пробраться. Такъ, гдѣ ужъ съвозъ такую чашу настоящую дорогу пролагать, да сглаживать, да сравнивать ее! Прорубятъ съвозъ лѣсъ просѣку, саженей въ пять шириной,—вотъ тебѣ и дорога! Даже пней—и тѣхъ не вытаскать да не отставятъ къ сторонѣ. А ужъ по этакой дорогѣ съ телегой не проберешься! За то лѣтомъ и ѣздить все верхомъ, а коли что везти, такъ либо вьюгомъ, либо на волокушѣ тащить. А ужъ весной—совсѣмъ выходитъ бѣда и горе,—одолѣваетъ вода!

Въ другихъ мѣстахъ воду отъ дорогъ канавами отводятъ; а какія каналы нужны—чтобы отвести можетъ—тысячи ручьевъ, какъ побѣгутъ они съ горъ вешней водой!.. Вѣдь снѣга-то у насъ аршина въ два глубиной, рыхлыя, пухлыя; какъ пригрѣтъ солнцемъ, такъ и побѣгутъ водой! За то клади по прискамъ и развозятъ у насъ по зимамъ, а лѣтомъ развѣ ужъ крайность горькая вынудить—пускаются на волокушахъ. Тутъ провести настоящую дорогу—надо работу да и работу затѣять! Опять и то сказать: даромъ она не пропала-бы, потому сдѣлай дорогу хорошую, возить станетъ легче, меньше лошадей загигать будетъ,—значить и тѣ, кто кладъ возить, станутъ брать дешевле,—а оно и золотопромышленникамъ,

и перевозчикамъ, и нашему брату, рабочему, выгоднѣе, — все лишній грошъ въ карманѣ останется.

— А у васъ-то отчего? спросилъ я.

— Вы видно никогда на присскѣ не бывали? — спросилъ онъ, улыбаясь.

— Нѣтъ, никогда.

— То-то вы тамошнихъ дѣловъ не знаете, — сообразилъ онъ, опять нагнулся и сталъ крѣпко шнуровать тяжелые тюки, однако говорить не переставалъ. — Про дороги я вамъ уже рассказывалъ. Сами понимаете, много-ли на себѣ за тысячу верстъ унесешь. Опять и достатки наши крестьянскіе какіе? Оттого и идешь на присскѣ — съ чѣмъ Богъ послалъ. Какъ сносится тамъ одежда или обувь, — откуда взять? Вотъ хозяева и держатъ про запасъ всякую такую штуку и продаютъ намъ. А какъ продавать? Надо ему взять и то, что самъ заплатилъ за штуку, и что за провозъ взяли, и что магазинъ, либо кладовая стоитъ, и жалованье того, кто все это намъ отпускаетъ, да вѣдь не должны-же и деньги хозяйскія даромъ время терять, пужно и имъ барышъ ему принести. А кто все это платитъ? Все мы-же! Такъ вотъ отчего хорошія дороги и намъ-бы милымъ дѣломъ стали. — Такъ-то, баринъ.

— Да вѣдь теперь лѣто, — замѣтилъ я, — хоть на волокушахъ намъ удалось-бы пробраться.

— Можетъ статья, хоть съ горемъ, а по дорогѣ и пробрались-бы, — отвѣтилъ онъ, — только вѣдь мы не на старый присскѣ идемъ, а новый открывать будемъ, значитъ много придется намъ пробираться цѣликомъ по лѣсу, а ужъ тамъ и съ волокушей ни назадъ, ни впередъ не попадешь.

Меня очень занялъ этотъ разговоръ о сибирскихъ дорогахъ. За обѣдомъ я заговорилъ о нихъ съ отцомъ и Николаемъ Семеновичемъ.

— Да, дороги великое горе всѣхъ дѣлъ въ Сибири, — сказала Николай Семеновичъ вздыхая; — обѣда наша въ томъ, что плохо понимаемъ свою выгоду, — всякій хочетъ быть самъ по себѣ, а одному человѣку такого дѣла не поднять! Вотъ если-бы нашелся такой чудотворецъ, который уговорилъ-бы нашихъ богачей. Вѣдь и вещь-то простая, кажется. Пусть-бы каждая компанія пожертвовала на это дѣло денегъ, только не врозь, а вмѣстѣ, въ одно

время и въ однѣ руки. Выбрали-бы толковаго инженера—и пошла-бы работа. А открылась-бы хорошая дорога, можно-бы заставить платить тѣхъ, кто проѣзжаетъ по ней, чтобы составлялись суммы на починку и поддержаніе хорошаго пути. Отъ этого всё выиграли-бы. А вѣдь мы чудаци: намъ кажется срѣшно сразу истратить по тысячѣ или по двѣ рублей, хотя-бы онѣ и скоро вернулись къ намъ-же—удвоенныя или даже учетверенныя. Лучше нравится намъ выдавать хоть по четыре тысячи ежегодно, да не вдругъ, а помаленьку, по пятирублей накаждый возъ лишняго. Ахъ, много еще ума, денегъ и силъ ждеть Сибирь!—но когда получить, она богато вознаградитъ, и тѣхъ самыхъ, кто принесетъ ей эти жертвы, и тѣхъ, кто имъ наслѣдуетъ!

Мнѣ опять вспомнился нашъ споръ въ гимназіи.

Вотъ и хорошіе инженеры нужны, чтобы лучше стало жить цѣлымъ тысячамъ людей и ливотныхъ! О чемъ-же мы спорили?! Никто, никто не лишній на свѣтѣ, лишь-бы самъ захотѣлъ быть полезнымъ, лишь-бы не жалѣлъ на это труда и усилій.

Для насъ отецъ также купилъ большую складную палатку, крытую красивой полосатой нанкой, самоваръ, погребецъ съ посудой, чемоданы съ платьемъ и бѣльемъ, множество жестянокъ съ разными маринованными кушаньями и бульономъ; все это навьючили на нашихъ четырехъ лошадей. Пятую отецъ совершенно предоставилъ Антипу. Я слишкомъ былъ занятъ всѣми другими приготовленіями, для того чтобы обращать на него вниманіе, а оттого почти не зналъ, что такое онъ собиралъ и укладывалъ.

Наконецъ, настало утро нашего отправленія. Всѣ мы поднялись съ разсвѣтомъ. Собрались всѣ рабочіе, привели и навьючили лошадей, пріѣхалъ и самъ Красныхъ. Во все время, пока на дворѣ продолжалась суета и хлопоты съ кладью и лошадьми, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ Николаемъ Ивановичемъ и моимъ отцомъ и разговаривалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ.

Я надѣлъ тоже свое дорожное платье,—высокіе охотничьи сапоги, драповые панталоны, широкую русскую рубашку, опоясанную ремнемъ, и соломенную шляпу съ широкими полями. Мнѣ очень хотѣлось прицѣпить охотничій ножъ къ поясу и перекинуть за плечо ружье, но отецъ серьезно, хотя и ласково, замѣтилъ мнѣ, что это ребячество, что въ городѣ и вблизи его стрѣлять нечего, потому что нѣтъ ни дичи, ни звѣрей, слѣдовательно—всѣ охотничьи принадлеж-

ности будутъ только лишней тяжестью. Въместо нихъ — онъ посоветовалъ мнѣ надѣть пальто, такъ какъ было еще рано и холодно. Признаюсь, тогда этотъ совѣтъ показался мнѣ почти обидой и мнѣ было очень трудно покориться ему, но теперь я понимаю, какой глупой обезьяной казался-бы я въ своемъ всеоружіи даже нашимъ рабочимъ. Они знали, что такое усталость и какъ хорошо человѣку, вынужденному идти, избавиться отъ всякой лишней тяжести, хотя-бы это была и самая забавная вещь на свѣтѣ. Теперь это знаю и я, и радуюсь, что безпрекословно послушался отца, хотя тогда мнѣ и было тяжело.

Наконецъ, все было сложено и справлено. Рабочіе притихли и молча стояли возлѣ лошадей. Къ намъ подошелъ молодой прикащикъ Красныхъ, Потаповъ.

— Все готово-съ, — сказалъ онъ Николаю Семеновичу.

— Ну, такъ мы съ Богомъ и выправимся, — проговорилъ тотъ, обращаясь къ отцу и Красныхъ, — вотъ я только со своей старухой распрощаюсь.

Маланья стояла у дверей, кутаясь въ большой платокъ, нагнутой на голову. На глазахъ у нея были слезы. Мы втроемъ подошли къ ней.

— Прощай, старушка моя, — заговорилъ Николай Семеновичъ, — дасть Богъ скоро свидимся. А ты смотри, всѣхъ моихъ просьбъ не забывай, и огородишки, и людишекъ.

— Все буду помнить, батюшка Николай Семеновичъ, — отвѣтила она срывая слезы, — прощай, береги себя, да и младенца. Счастливаго пути, богатой работы.

Меня она обняла и поцаловала, отцу пожала руку и низко поклонилась.

— Трогай, братцы, съ Богомъ! — скомандовалъ Борзухинъ, — счастливаго пути.

— Благодаримъ покорно, счастливо оставаться, ваше степенство, — отвѣчали ему, снимая шапки; потомъ всѣ, точно по уговору, повернулись къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ Спасскій монастырь. Самого зданія со двора видно не было. Но на темно-синемъ куполѣ неба, съ котораго еще не сбѣжали остатки ночнаго мрака, ярко блестѣлъ золотой крестъ церкви, освѣщенный едва поднимающимся на востокѣ солнцемъ. Всѣ крестились размахистымъ русскимъ крестомъ и кла-

нялись порывистыми поклонами, встряхивая опускавшимися на глаза волосами.

— Ну, съ Богомъ! — опять проговорилъ Николай Семеновичъ, и люди и лошади, не торопясь, но какъ-то тихо и торжественно и степенно — стали другъ за другомъ выходить со двора.

Мы вышли послѣдніе. Берзухинъ шелъ съ нами.

— Зачѣмъ вы это беспокоитесь, господа, идти вмѣстѣ съ рабочими, — заговорилъ онъ, — вѣдь можно-бы, покуда есть дорога, ѣхать въ экипажѣ.

— Признаться вамъ, не люблю я этихъ нѣжностей, Андрей Васильевичъ, — отвѣтилъ Николай Семеновичъ: вмѣстѣ начали, вмѣстѣ кончимъ дѣло, — тогда дружно и разойдемся. Этого господина сюда для движенія прислали, а мальчику оно полезно.

— Да вы, Николай Семеновичъ, не скрытничайте: вы хотите свою пьяную паству отъ кабака уберечь, — подшутилъ купецъ; а что ваши больные — явились?

— Они на лицо, — вонъ идутъ впереди; посмотрите, какіе молодцы! — неужто ихъ было упустить!

— Ужъ нечего подхваливать, — подхватилъ купецъ: — вчера самъ привелъ изъ больницы, да и ночевать оставилъ у себя въ кухнѣ.

— Что дѣлать! когда поддался человѣкъ кокой-нибудь слабости и вошла она въ привычку, а нѣтъ у него ни ума, ни силы отвязаться отъ нея, нужно помочь ему, хоть-бы и насильно, — сказалъ Сергѣй.

— А что-то не веселы ваши выздоравливающіе, — добродушно извилъ Борзухинъ: — вишь, идутъ какъ — носы повѣсили.

— Эхъ, Андрей Васильевичъ, — горячо заговорилъ Николай Семеновичъ, и въ голосъ его слышалась и грусть и досада, — развѣ вы не бывали въ тайгѣ? Развѣ они не туда-же идутъ? Никто не знаетъ, воротится-ли оттуда. Вѣдь мы съ вами въ палаткахъ ночевать будемъ, бульоны да консервы ѣсть, одѣваться въ моментовки да непромокаемые сапоги: а они! — будутъ жить именно такъ, чтобы заполучить ревматизмъ, и цыngu, и чахотку. Умремъ мы, у нашихъ семей останется и хлѣбъ и уголь, а они оставятъ своимъ въ наследство голодъ, холодъ, нищету и всѣ обиды и пороки, которые съ ними связаны. Всѣ эти ужасы прогонялись изъ семьи ихъ трудомъ и

ихъ жизнью, а теперь эта жизнь ставится въ очень вопросительное положеніе. Значить, есть отчего призадуматься, опустить носъ, какъ вы выразились.

— Ваша правда, — раздумчиво отвѣтилъ Борхинъ.

Должно быть, онъ былъ добрый человекъ. Мнѣ показалось, что ему стало стыдно своихъ шутокъ. На поворотѣ улицы, онъ протиснулся съ нами и пошелъ въ другую сторону.

Странно было у меня на душѣ въ это утро! Пока суетливо собирались во дворѣ, мнѣ было какъ-то задорно весело, — почти досадно стало на Маланью, зачѣмъ она плачетъ. Въ головѣ такъ и мелькали убитые глухари, соболи, зайцы; одинъ разъ блеснула мысль даже о сохатомъ, но мнѣ стало стыдно даже самого себя за такую размашистую фантазію. Я ходилъ отъ одного къ другому, надоѣдливо торопя каждаго. Но вдругъ наступившая тишина, молчаливая спѣшная молитва рабочихъ и ихъ тихая степенная поступь при выходѣ со двора поубавили мой задоръ. Я инстинктивно понималъ, что не на охоту въ знакомую рошу и не на гулянье идемъ мы. Отвѣтъ Николая Ивановича на шутки Борзухина совсѣмъ переѣмнилъ мои мысли и настроеніе. Я невольно притихъ и задумался. Отецъ замѣтилъ это и даже заботливо спросилъ:

— Что ты притихъ, — не доспалъ, или озябъ?

— Нѣтъ, ничего, папа, — отвѣтилъ я, и все-таки не могъ прогнать тоскливыхъ мыслей.

Солнце уже взошло, но въ воздухѣ было еще свѣжо. Городъ тихо и лѣниво просыпался. Съ нѣкоторыхъ дворовъ слышалось пѣніе пѣтуховъ, въ другихъ отворялись катитки и полуодѣтыя и заспанная хозяйки — мѣщанки выпускали коровъ. Нѣкоторыя ласково ворковали со своими любимицами, другія бранились, кричали и даже били ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ. Нѣсколько водовозовъ лихо прогремѣли съ пустыми бочками, два — три кучера повели купать лошадей. Кое-гдѣ тихо плелись къ ранней обѣднѣ богомольные старушки и старички. Но на улицахъ было тихо — и топотъ нашихъ лошадей и рабочихъ раздавался какъ-то одиноко и печально.

Мнѣ стало совсѣмъ грустно.

Въ это время мы подошли къ церкви.

— Я зайду помолиться, — какъ-то вопросительно, точно приглашая, проговорилъ Николай Семеновичъ.

— Пойдемъ и мы, Володя, — позвалъ меня отецъ вмѣсто отвѣта.

— Потаповъ я сейчасъ вернусь, не отпускай никого изъ людей, — распорядился Сердечныхъ.

Мы вошли въ старый, темный храмъ. Слабый свѣтъ нѣсколькихъ лампадъ и восковыхъ свѣчей не достигалъ высоты темныхъ сводовъ перваго предѣла и только по временамъ, мерцающая и вспыхивая, освѣщала потемнѣвшіе лики святыхъ. Народу было мало, почти никого; только нѣсколько стариковъ и старушекъ, усердно крестясь и кланяясь, громко шептали молитвы или дребезжащими, разбитыми голосами подтягивали пѣнію. Я какъ-то оторопѣло и бессмысленно шелъ за отцомъ, вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ поклоны и прикладывался къ образамъ. У меня все-еще щемило на душѣ. Вдругъ, самъ не замѣтя какъ, я очутился въ пространствѣ яркаго свѣта. Мы вошли въ главную часть храма, подъ среднимъ куполомъ. Въ большія окна врывался цѣлый потокъ дневнаго свѣта; взшедшее солнце заливало своими лучами внутренность алтаря, просвѣчивая сквозь ярко малиновыя сторы; золотая рѣзба царскихъ вратъ и лучи отъ всевидящаго ока надъ ними блестѣли розоватымъ отливомъ. Я даже на мгновение закрылъ глаза, — такъ рѣзко былъ переходъ отъ мрака къ свѣту.

На клиросѣ пѣло три сильныхъ молодыхъ голоса. Изъ алтаря имъ отвѣчалъ благословеніями тихій старческій голосъ, полный глубокой покорности, самоотреченія и благодушія. Меня вдругъ охватило какой-то торжественной радостью, въ душѣ и тѣлѣ точно проснулись какія-то новыя силы. Я сталъ молиться, — и опомнился только тогда, когда отецъ тихо тронулъ меня за плечо.

Я бодро пошелъ за нимъ изъ церкви.

— Ну, теперь совсѣмъ. — Пойдемте, ребята, — сказалъ Николай Семеновичъ, выходя на улицу и съ облегченіемъ вздыхая.

Партія опять тронулась дальше.

— Люблю я здѣсь молиться, — продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу: — чудный старикъ этотъ отецъ Павелъ, настоящій пастырь церкви. Въ немъ только, кажется, земнаго и осталось, что безграничная любовь къ дѣтямъ. Слышали вы, какъ поютъ? — это его сыновья; на каникулы пріѣхали — и въ угоду старику поютъ на клиросѣ.

Мы почти выходили изъ города. Дома мельгали, кривились во всѣ стороны, улицы становились грязнѣе и неряшливѣе.

Вдругъ, одинъ изъ рабочихъ, ночевавшихъ у насъ въ кугѣ, пріостановился, потомъ подошелъ къ Николаю Семеновичу, снялъ шапку и проговорилъ:

— Батюшка, Николай Семеновичъ, позвольте забѣжать тутъ въ одинъ домъ, проститься,—я нагоню васъ живо.

— Въ чей домъ?

— Да къ Антропихѣ.

Николай Семеновичъ остановился, посмотрѣлъ мужику въ глаза въ упоръ—и заговорилъ такъ сердито, что я отъ него даже не ожидалъ.

— Ступай, братъ, на свое мѣсто и глупостей не затѣвай,—я терпѣть не люблю ихъ. Антропиха безъ патента виномъ торгуетъ,—ты и хотѣлъ къ ней зайти за этимъ зельемъ;—благо вывѣски нѣтъ,—думалъ—я не догадаюсь. Стыдно тебѣ: маршь!

Мужикъ опустилъ глаза, почесалъ голову и пошелъ на свое мѣсто. Другіе посмѣивались—и ему видимо было стыдно, потому что онъ долго не поднималъ головы и ничего не отвѣчалъ на насмѣшки товарищей.

Множество мелкихъ озеръ синѣло вдаль, а между ними величаво неся Енисей широкой полосой, убѣгая въ необозримую даль и тьму лѣса.

— А вотъ и наши минеральныя воды,—проговорилъ Николай Семеновичъ, указывая на одно изъ озеръ, въ которое вливалась довольно многоводная рѣчка.—Это Полтбищенское озеро, а въ него впадаетъ рѣчка Кемь. Въ немъ исцѣляется много больныхъ людей и животныхъ; также проходитъ золотуха, лишай, даже пріостанавливаются начавшіеся нарывы.

— А разлагалъ кто нибудь эту воду химически? — спросилъ отецъ:—что именно изъ минеральнаго царства въ ней растворено?

— Былъ тутъ одинъ докторъ и разлагалъ ее, только въ томъ и штука, что загадала здѣсь мать—природа этой водой загадку. Прежде думали, что она желѣзистая, а оказалось, что ни въ берегахъ, ни въ днѣ, ни въ самой водѣ на желѣзо и намековъ нѣтъ, да и не только желѣза, а никакого минерала—не нашлось, и

и порѣшили,

—проговорилъ отецъ съ
ей нѣтъ! Будь это въ Евро-
озеромъ цѣлый городъ.

Сердечныхъ,—дайте ей заселиться, и
ископаемые источники богатствъ и произ-
е знавала Европа! Вотъ вы сейчасъ по-
тъ у насъ задаромъ на цѣлые вѣка такіа
онныя воды. Ну, да вѣдь это тонкость, роскошь;
обой устроить это дѣло, у насъ и народу мало, и
ваться имъ не кому при нашихъ разстояніяхъ и дорогахъ.
А вотъ я вамъ покажу другой источникъ богатства, за который
сердце-то болить побольше! Вы слыхали про мѣсторожденіе желѣза
близъ Енисейска?

— Да, слышалъ,—а что?

— А вотъ что:—всего на одинъ аршинъ глубины, лежитъ у
насъ пластъ желѣзной руды. Не толстъ онъ, правда, всего
вершокъ толщиной, но руда-то эта—своего рода чудо при-
Гдѣ бы и какаѣ бы богатая руда ни добывалась, а все ее
чно приходится выплавить въ доменной печи, чтобъ полу-
ѣзо. Здѣсь-же этого не нужно,—капай изъ земли, да хоть
кузницу. И замѣтите,—лежитъ это сокровище на сплав-
Енисеѣ; разработка легкая, разносная,—каждый маль-
ю справился-бы: и что-же?—ничего, лежитъ себѣ! Мы
помѣшаны — ни хлѣба сѣять, ни скота водить, ни
маться не хотимъ, — всё золото копаемъ. Это-то
рубить! копаемъ мы, работаемъ, хлѣбъ ѣдимъ, платье но-
шь,—ну, и выкопали цѣлое богатство, а развѣ оно у насъ оста-
нется?—все уложить да и увезуть въ Питеръ;—а у насъ что? въ
нашей сторонѣ прибавилось за цѣлый годъ работы,—ничего, а все
по старому,—та же дороговизна хлѣба, одежды, инструмента. Ока-
зывается, что тѣ запасы хлѣба и всякихъ другихъ житейскихъ по-
требностей, которые мы уничтожили за годъ, черезъ нашъ трудъ
обратились въ золото, т. е. въ такую вещь, которую легче всего
увезти изъ страны. А что привезли намъ за это изъ-за Урала?—
ничего. То—ли бы дѣло было, если-бы всё эти силы, которыя идутъ

СЕМЬЯ И

Промывку золота, обратились къ
у насъ подешевѣло — и хлѣбъ, и м
бдѣ у насъ есть все, чтобы быть б
лѣса дремучіе, воды рыбныя, всѣ метал
лежить нетронутымъ и ждетъ только того,
выбрали путь къ своему благосостоянію и счастью.
дѣть!? пробовало даже правительство обратить насъ на п
ный, да нѣтъ! плохо удавались и эти благія начинанія!
— Опять — наука, самыя разнообразныя знанія, трудъ, деньги! —
подумалъ я, — и для сколькихъ людей готово дѣло! и сколькимъ
дастъ оно счастье!
— Да, вѣроятно, и не снилось чудаку Попову, на какую бѣду
наводитъ онъ свой край! — задумчиво проговорилъ отецъ.
— А кто этотъ Поповъ — и что онъ сдѣлалъ? — спросилъ я.
— Поповъ — здѣшній, сибирскій купецъ, — отвѣтилъ Николай
Ивановичъ: — онъ живой примѣръ тебѣ, Володя, — какое вліяніе мо-
жетъ имѣть одинъ человѣкъ на цѣлую страну, если только ста-
нетъ горячо заниматься своимъ дѣломъ, а не пустяками. Поповъ
былъ человѣкъ богатый. Не знаю, почему именно, — забралъ онъ себѣ
въ голову, что въ Сибири должно быть золото и что его нужно
разыскать. Всѣ свои деньги потратилъ онъ на эти поиски, риско-
валъ здоровьемъ, даже жизнью. Какія невзгоды и бѣды о-
терпѣвалъ въ это время, можетъ понять только тотъ, г
шествовалъ по тайгѣ. Наконецъ, удалось-таки ему найти
и промыть нѣсколько золота. Потянулся онъ съ нимъ до
объяснить, но на дорогѣ, на одной рѣчкѣ ледъ подъ-
мился: сани, лошади, вещи — все пошло ко дну, выку
золотоискатель. Его кое-какъ увернули въ рогожки и отнесли
ближайшую охотничью избушку. Онъ заболѣлъ горячкою и проле-
жалъ безъ всякой помощи, однако выздоровѣлъ и добрался домой.
Но денегъ у него уже не было. Нашлись люди, которые дали ему
средство начать разработку. Онъ сильно разбогатѣлъ опять, а дру-
гіе то-и-дѣло стали гонять по тайгамъ летучія поисковыя партіи
и пошли открывать розсыпь за розсыпью. Это было уже около
1840 года. Сибирь начинала жить правильною жизнью, заводи-
лись въ ней фабрики, заводы, хлѣбопашество. Но какъ слышали
про золото, — все погибло все закрылось, и цѣлыя тысячи народа

бросились въ тайгу. Такъ, вотъ, кто былъ Поповъ и вотъ что онъ сдѣлалъ.

Солнце стояло уже высоко и припекало все сильнѣе и сильнѣе. Становилось очень жарко. Я давно уже снялъ пальто и бросилъ его на спину лошади. Усталость давала себя чувствовать, но я не хотѣлъ въ этомъ признаться и скрѣпя сердце шелъ, не отставая.

Около двѣнадцати часовъ мы остановились и сдѣлали привалъ. Лошадей стреножили и пустили на траву. Люди расположились отдохнуть и пообѣдать. Только тогда, когда сѣлъ, почувствовалъ я всю усталость. Ноги ломили и горѣли, какъ въ огнѣ, — ѣсть не хотѣлось. Николай Ивановичъ замѣтилъ это; я видѣлъ, какъ онъ хитро и весело подмигнулъ на меня отцу, — но ни тотъ, ни другой не сказали мнѣ ни слова — даже тогда, когда опять пришлось пуститься въ дорогу. Я думалъ, что не смогу встать съ мѣста, но скрѣпился и пошелъ. Нѣсколько минутъ мнѣ было нестерпимо трудно, но потомъ опять втянулся, ноги точно оцѣмѣли и шагали довольно бодро.

Однако, черезъ часъ пути, Николай Семеновичъ предложилъ мнѣ сѣсть на ту лошадь, которая была предоставлена Антипу, и навьючена меньше другихъ. Онъ и отецъ сами устроили мнѣ сидѣнье половче, сами посадили меня.

— А изъ тебя, Володя, молодецъ выйдетъ, — ласково сказалъ Николай Семеновичъ: — я все ждалъ, что петербургскій нѣженка начнетъ отставать и жаловаться, а ты ничего, хоть и поморщивался. А съ привала я нарочно не предложилъ тебѣ сѣсть на лошадь, — хотѣлъ посмотреть, какъ ты съ болью на ногахъ справишься. Болятъ ноги-то?

— Немножко — съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ.

— Ну, ничего, потерпи; скоро привыкнешь.

Въ первый разъ со смерти матушки — отецъ улыбнулся мнѣ счастливой, веселой улыбкой и крѣпко пожалъ мою руку, какъ дѣлывалъ, бывало, за похвальные листы изъ гимназіи.

Только тогда, когда я сѣлъ на лошадь и меня стало такъ непомѣрно качать взадъ и впередъ, что я едва удерживался между двухъ переметныхъ сумъ, обратилъ я вниманіе на дорогу. Она шла по просѣкѣ въ густомъ таежномъ лѣсу. Было еще достаточно свѣтло и я могъ видѣть ее на далекое разстояніе. Издали она казалась

не то какой-то безгородно-вспаханной полосой, не то кочковатымъ болотомъ. Но когда я сталъ приглядываться къ тому, что было подъ ногами моей лошади, то мнѣ пришло въ голову, что если бы кто-нибудь захотѣлъ нарочно исковеркать поверхность, то едва ли это удалось бы ему такъ хорошо или, вѣрнѣе, безобразно, какъ сама собою сложилась таежная сибирская дорога! Рабочій сказалъ мнѣ правду. Въмѣсто всякаго пути сообщенія, въ тайгѣ дѣлаютъ только просѣку саженей въ пять шириной. Пни и старые повалившіеся стволы деревьевъ остаются на прежнемъ мѣстѣ, т. е. посреди дороги. Все это сплошь поросло густымъ мхомъ, который такъ сильно втягиваетъ и сохраняетъ влагу, что подъ нимъ стоятъ цѣлыя лужи воды, разгороженные полусгнившими стволами. Эти лужи называются *мочагами*. Лошадь ступаетъ очень осторожно и ставитъ ногу не на приподнявшійся стволъ, а возлѣ него, на мохъ и попадаетъ ногой въ мочагу; та, которая идетъ за нею, дѣлаетъ тоже самое и т. д.; такъ что на мѣстѣ мочаги скоро выбивается глубокая рытвина, а надъ нею высоко торчитъ пенъ, или поваленный бурей или временемъ стволъ. Мѣстами дорогу загромождаютъ кочки изъ земли, которая была когда-то связана корнями травъ и также не попадала подъ копыта лошадей. Понятно, что нечего думать пробираться по такой дорогѣ въ колесномъ экипажѣ. Даже ѣзда верхомъ здѣсь очень утомительна. Когда лошадь спускаетъ въ глубокую рытвину свои переднія ноги, — и ѣздокъ подается впередъ; когда туда же вступаютъ заднія ноги лошади, — его также отбрасываетъ назадъ.

Вечерѣло. Сильная дневная жара спадала. Въ воздухѣ становилось сыро и холодно; особенно замѣтно это было въ мѣстахъ низменныхъ. Легкія облачка бѣлаго тумана стлались по землѣ и поднимались въ воздухъ. Милліоны комаровъ и мошекъ облѣпили людей и лошадей. Это было несноснѣе всего, хуже жара, хуже холода. Всѣ взрослые закурили трубки, даже отецъ вынулъ сигару, но и это почти не помогало. Я опять надѣлъ пальто, попросилъ Архипа достать мнѣ вѣтку и не переставая обмахивалъ ею себя и свою лошадь. Отвратительныя насѣкомыя забирались ей въ глаза, въ уши и жалили безъ жалости. Напрасно встряхивала она ушами, жмурила глаза, вздрагивала кожей на шеѣ, пробовала обмахиваться хвостомъ, — ничто не избавляло ее отъ привязчивыхъ тварей.

Солнце еще не село, когда мы остановились на ночлегъ. Опять стреножили лошадей и отпустили на траву.

Такъ шли мы день за днемъ, съ тою только разницею что сначала, ближе къ Енисейску, намъ встрѣчались рѣдкія деревни, въ которыхъ мы и останавливались почевать или обѣдать и отдыхать, устраиваясь въ избахъ; но скоро не стало и деревень.

Мѣстами съ горъ стекали рѣчки и ручьи,—и, журча и пѣнясь, бѣжали по долинамъ, которыя лежали у ногъ неправильно разбросанныхъ горъ. И долины, и горы поросли густымъ вѣковѣчнымъ лѣсомъ. Здѣсь были ели, кедры, пихты, березы, рябина, ольха, черемуха, тальники. Но больше всего было, разумѣется, елей, сосенъ—и здѣсь это называется чернолѣсьемъ. На мѣстахъ, гдѣ во время страшныхъ пожаровъ въ Енисейскомъ округѣ въ 186** году выгорѣло чернолѣсье, теперь весело зеленѣли молодые березки. Николай Ивановичъ сказалъ, что онъ уже не разъ замѣчалъ, что гдѣ выгорали деревья одной породы, скоро являлась опять растительность, но уже совершенно другая. Въ густой чащѣ лѣса, куда никогда не проникаютъ лучи солнца, травы между деревьями не было; высокіе, ровные, могучіе стволы казались милліонами колоннъ. За то въ каждой прогалинкѣ, куда только могло заглянуть солнышко, нельзя было не подивиться высотѣ и густотѣ травы,—она стояла выше меня. Это былъ настоящій рай для лошадей, если бы не отравляли его несносные комары.

— Папа, смотри, какая трава!—крикнулъ я отцу.

— Да, удивительно высокая, — отвѣтилъ онъ;—и съ перваго взгляда это, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ,—а въ сущности, ничего нѣтъ естественнѣе. Вѣдь земля здѣсь хорошая, зима длинная, лѣто короткое. Цѣлые восемь мѣсяцевъ отдыхаетъ она, но зато ужъ какъ пригрѣетъ солнышко, спѣшитъ она пустить въ ходъ всѣ свои задержанныя силы. Въ двѣ недѣли тепла вырастаетъ трава выше меня ростомъ, позднѣе появляются и цвѣты, и ягоды, но рѣдко которыя созрѣваютъ: захватить морозомъ, — и конецъ дѣлу! Здѣсь опять экзотія въ растительной силѣ, и опять новый слой удобренія. Вѣдь ничто такъ не удобряетъ землю, какъ перегнившая растительность. Всѣ наши южныя черноземныя мѣстности сложились такимъ путемъ. Завелась на пустырь трава, — пришла зима, старые побѣги завяли, весною сгнили, а молодымъ

уже привольнѣе расти на удобренной почвѣ. И ее постигнетъ та же участь, но она уже выросла выше и сочнѣе первой и удобрить землю больше; такимъ образомъ, слой за слоемъ въ теченіи многихъ вѣковъ, нарасталъ черноземъ. Есть мѣста въ черноземной полосѣ Европейской Россіи, на которыхъ онъ лежитъ чуть не на полтора аршина глубину. Да и самые здѣшніе снѣга много способствуютъ быстротѣ растительности. Снѣгъ хоть и холоденъ,—а онъ шуба земли. Когда въ воздухѣ двадцать восемь градусовъ мороза,—подъ снѣгомъ, въ сажень глубину, только два. Такимъ образомъ, корни травы не чувствуютъ даже стужи, а не то что не могутъ погибнуть отъ здѣшнихъ морозовъ, хотя они очень часто и заходятъ за 32 градуса. Здѣсь, когда люди косятъ сѣно, они другъ друга не видятъ, да и самъ ты вѣроятно скоро увидишь траву, которая растетъ гораздо выше тебя, даже когда ты сидишь на лошади.

— Да-съ, травка!—воскликнулъ Николай Семеновичъ,—да что трава,—все у насъ хорошо! Чудный, Богомъ любимый край!

— Вы скоро хвалебные стихи начнете писать о Сибири!—шутя замѣтилъ отецъ.

Когда на нашемъ пути перестали уже попадаться деревни, пришлось на ночь останавливаться въ глухой тайгѣ. Для Потапова и Николая Семеновича разбивали палатку, для насъ другую. Рабочіе располагались подъ открытымъ небомъ, у костровъ. Мѣста для ночлега выбирали не въ долинахъ, не на вершинахъ, а на склонахъ горъ. Въ долинахъ было такъ сыро, что платье промокало насквозь, но не лучше было и на вершинахъ. Таежныя горы не особенно высоки, поднимаются не круто и не остры, а напротивъ—на нихъ всегда лежитъ какъ-бы плоская возвышенность, на которой задерживается мхами множество воды, такъ что образуется болото. По склонамъ она бѣжитъ уже правильно опредѣлившимися ручьями, оттого на нихъ и суше, чѣмъ вверху и внизу,—можно было разводить костры, лечь на землю. Рабочіе, укладываясь, укутывали головы, чтобы избавиться отъ комаровъ. Въ палаткахъ сильно накуривали зажженнымъ можжевельникомъ. Комары не выносятъ до душья пахучаго дыма—и улетаютъ.

На утро втораго дня ходьбы я проснулся точно изломанный и грехтя лежалъ на своемъ мѣстѣ. Отецъ былъ уже на ногахъ. Онъ

подошелъ ко мнѣ, заботливо спрашивая о моемъ здоровьи. Въ это время явился и Николай Семеновичъ.

— Что ты лежишь-то?—обратился онъ ко мнѣ, поздоровавшись съ отцомъ.—Смотри, Володя, не давай себѣ раскисать и развѣживаться—это дѣло опасное. Стоитъ разъ позволить себѣ не сдержаться,—лечь, пока еще не совсѣмъ усталъ, закричать отъ ничтожной боли или страха,—второй разъ потянетъ на то же, а на третій и въ самомъ дѣлѣ будетъ не удержаться. И выйдетъ изъ тебя не человѣкъ, а какая то тряпка въ человѣческомъ образѣ, безъ силы, безъ воли. А такой человѣкъ не можетъ быть счастливъ, жить ему гораздо тяжелѣе: всего ему страшно, все тяжело, скорѣе къ нему болѣзнь придетъ, и легче его смерть съ лица земли сотреть. Ты дѣлай лучше вотъ какъ: усталъ ходить или работать—не задумывайся надъ этимъ, не прислушивайся къ своей усталости, а представь себѣ, какъ хорошо будетъ, когда твое дѣло совсѣмъ окончится, а вѣдь этого можно достигнуть только тѣмъ, что станешь работать еще спѣшнѣе, еще усерднѣе. Страшно тебѣ—не кричи и не бѣги безъ пользы, а сначала лучше осмотри опасность и подумай, какъ отъ нея избавиться. Нездоровится тебѣ, но еще въ силахъ ходить,—не ложись. Если ляжешь, станешь прислушиваться къ своей боли, а значить и чувствовать ее склоннѣе, на душу нападетъ тоска и досада. А ты попристальнѣ возмись за какое-нибудь дѣло, — голова будетъ занята, боль не такъ замѣтна, кровь побѣжитъ по жиламъ быстрѣе, болѣзнь скорѣе пройдетъ. Тогда и будешь ты настоящій человѣкъ, истинный царь, и окружающей тебя вѣшной, и своей внутренней природы! Такъ я говорю, Дмитрій Андреевичъ?—обратился онъ къ отцу.

— Разумѣется, такъ, Николай Семеновичъ, — вы сами живой примѣръ того, что можетъ сдѣлать человѣкъ, который живетъ по этимъ правиламъ. Вы на пятнадцать лѣтъ старше меня, а видомъ на десять лѣтъ моложе, хотя и горя видѣли и нуждались больше моего.

— Ну, вы тоже не скромничайте, — отвѣчалъ онъ ласково улыбаясь отцу: — я вѣдь знаю васъ не со вчерашняго дня, — видалъ и въ бѣдѣ, и въ трудѣ. Вся ваша бѣда теперь въ томъ, что поселились вы въ Петербургѣ и вели тамошній образъ жизни. Я о кли-

матѣ не говорю,—хорошаго въ немъ мало, но все-таки жить можно. А вы подумайте о тѣснотѣ и густотѣ, въ какую скучились тамъ люди. Сколько легкихъ, сколько лампъ, фонарей и свѣчей поглощаютъ тамъ кислородъ изъ воздуха, — сколько помойныхъ ямъ, навозу, дыму отравляютъ его. Кажется, разъ попавши въ такую бѣдовую атмосферу, человѣку слѣдовало-бы стараться хотя другими путями сберечь свое здоровье и жизнь,—хорошо ѣсть, разумно спать, а тамъ какъ разъ на оборотъ: спать днемъ, пляшутъ ночью, да еще до изнеможенія или сидятъ, какъ пригвозжденные. И вы прожили такъ много лѣтъ: оттого и поубавилось въ васъ прежней удали и силы,—состарились раньше меня—старика.

— А вы все по старому,—все сердитесь на Петербургъ,—подшутили отца.

— Нѣтъ, я не сержусь—ни на Петербургъ—и ни на иной какой городъ, а досадны мнѣ вообще всѣ тѣ люди, которымъ далъ Богъ и общество все, чтобы жить счастливо и полезно,—отъ нихъ требовалось для этого только немножко разума. А они затѣяли изъ всей жизни сдѣлать какое-то удовольствіе,—ну и вышло то, что есть,—поставка больныхъ и покойниковъ. Растратили первѣйшее счастье человѣка, — здоровье, силу и бодрость. Хворому человѣку вполонину дороги всѣ утѣхи жизни. Я такъ думаю, что если можно ухаживать за цвѣтами въ комнатѣ, за канарейками, трудиться надъ своей прической, то и здоровье человѣческое такая вещь, которая стоитъ,—чтобъ надъ ней подумать и потрудиться.

Онъ досадливо и грустно вздохнулъ. Я вскочилъ и сталъ спѣшно одѣваться. Кости ломили. Но слова Николая Семеновича и бодрый видъ старика, который вчера шелъ больше меня, а сегодня всталъ раньше, здоровый, веселый и бодрый,—задѣли меня за живое. Съ тѣхъ поръ—я никогда не забываю совѣта, и теперь уже, когда пишу тебѣ, чувствую всю пользу этихъ правилъ.

Антипъ-Медвѣдъ почти не на шагъ не отходилъ отъ меня во все время нашего путешествія. Онъ шелъ то рядомъ, то сзади за мною, то шагаль возлѣ лошади, на которую я садился, когда уставалъ дѣйствительно—до изнеможенія.

Нѣсколько разъ отецъ, Антипъ и я отдѣлялись отъ партіи нѣсколько въ сторону и охотились за птицами. Много пороку и дроби разстрѣлялъ я даромъ! У меня все не хватало терпѣнія и хладно-

кровя хорошенько выждать и толкомъ прицѣлиться. Увижу птицу издали,—даже дыханіе захватить отъ радости, кровь бросится въ голову руки дрожать, и не разбирая—хватить-ли выстрѣлъ моего ружья на такое разстояніе, не прицѣлясь отъ поспѣшности—выстрѣлишь,—и разумѣется мимо. Эти постоянные промахи такъ разогорчили меня, что я сгоряча порѣшилъ было никогда не стрѣлять. Но отецъ мой сказалъ, что это неразумная крайность. Въ слѣдующій разъ онъ предложилъ мнѣ идти съ собою и стрѣлять только тогда, когда онъ скажетъ. Охотиться пришлось на утокъ. Небольшое озеро съ топкими, поросшими тростникомъ и осокой берегами, неподвижно и тихо лежало, отражая и синее небо, и высокіе лѣса окружающихъ возвышенностей. Въ лѣсу было совершенно тихо, даже не слышно было обыкновеннаго шепота вѣтвей. Собакъ Антипъ держалъ возлѣ себя и не отпускалъ ни на шагъ, чтобы онѣ не спугивали птицъ, потому что отецъ сказалъ, что я не могу еще стрѣлять въ летящую птицу. Мы тихо пробирались сквозь камыши къ открытой водѣ. Въ воздухѣ было нестерпимо жарко, и я съ наслажденіемъ шагаль по колѣно въ водѣ. Стройные, гибкіе стволы тростника по временамъ касались моего лица и рукъ,—и ихъ холодное, влажное прикосновеніе пріятно холодило.

Вдругъ совсѣмъ близко крякнула утка. Я вздрогнулъ, и уже схватился за ружье. Но отецъ тихо положилъ руку мнѣ на плечо, и я опомнился. Мы сдѣлали еще нѣсколько осторожныхъ, тихихъ шаговъ впередъ. Передъ нами открылся небольшой тѣнистый и тихій заливикъ озера. По немъ спокойно плавало нѣсколько утокъ. Видѣть насъ сквозь камыши онѣ не могли.

— Ну, Володя,—шепотомъ скомандовалъ отецъ,—только не горячись и не спиши, онѣ подождутъ.

Я совладѣлъ съ собой, прицѣлился и выстрѣдиль. Надъ озеромъ вспорхнуло и неуклюже понеслось къ противоположному берегу нѣсколько утокъ. А я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ—на столько растерявшись, что даже не замѣтилъ, какъ пустились собаки Антипа и принесли мнѣ цѣлую пару убитыхъ мною птицъ.

— Ну, вотъ видишь, что значить выждать,—сказалъ отецъ: поздравляю съ удачей! Не горячись и въ другой разъ.

Я былъ просто счастливъ.

Отецъ застрѣлилъ въ этотъ день глухаря, но Антипъ не стрѣ-

лялъ совершенно, — онъ все ходилъ взадъ и впередъ, искалъ чего-то по землѣ, по временамъ лазилъ на деревья. Я спросилъ его, чего онъ ищетъ. Въмѣсто отвѣта, онъ показалъ мнѣ, смѣясь, десятка два маленькихъ яичекъ.

— Не стыдно тебѣ, Акимъ, — заговорилъ я съ досадою, — разорять гнѣзда несчастныхъ птицъ! Сытъ ты ими не будешь, да если-бы и могъ наѣсться до сыта, такъ развѣ намъ больше ѣсть нечего?

Онъ ничего не отвѣтилъ, но выдернулъ изъ полы своего армяка довольно толстую булавку, проткнулъ ею осторожно крошечную дырочку въ скорлупѣ, сквозь нее очень ловко вытянулъ губами всю внутренность яйца и выплюнулъ ее на землю. Я смотрѣлъ на него съ досадою и отвращеніемъ.

— Напрасно ты негодуешь на него, Володя — сказалъ мнѣ отецъ: — зло, глупо и даже вредно разорять гнѣзда птицъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія — подержать нѣсколько минутъ въ рукахъ хорошенькія яички. Вредно, потому что многія изъ птицъ очень полезны людямъ тѣмъ, что поѣдаютъ червей, гусеницъ, мухъ, комаровъ, оводовъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя ему мѣшаютъ. Но есть между ними и такія, которыя, не принося людямъ никакой пользы и водясь цѣлыми стаями, какъ на примѣръ воробьи, уничтожаютъ добрую часть его посѣвовъ и жатвъ. Уничтожать такихъ — ловлей, стрѣльбой, разореніемъ гнѣздъ — даже слѣдуетъ, а особенно когда это соединено еще съ двойной пользою, какъ здѣсь, въ Сибири. Каждое изъ этихъ яичекъ можетъ доставить Акиму шкуру хорошей лисицы. Здѣсь каждый охотникъ запасаетъ съ лѣта яйца мелкихъ птицъ на зиму такъ, какъ Акимъ. Когда придетъ зимою время охотиться на лисицъ, въ скорлупочки эти насыпаютъ сугему въ порошокъ или челибуху, — это сильный ядъ. Потомъ дырочку залѣпляютъ, а все яичко обмакиваютъ въ растопленный жиръ, даютъ остыть и опять обмакиваютъ до тѣхъ поръ, пока жиръ облѣптитъ его толстымъ слоемъ. Этакіе жировые шарики называются «пометомъ для лисицъ», потому что, когда охотникъ отыщетъ мѣсто, по которому часто ходитъ лисица, «жируетъ», какъ говорятъ сибиряки, то разбрасываетъ ихъ по снѣгу, а самъ уходитъ. Голодная лисица, почуя сало, жадно бросается на приманку и хватаетъ ее въ ротъ зубами. Жиръ надламывается, скорлупка лопается, а ядовитый по-

15593

ЗАПИСКИ О СИБИРИ.

рошокъ, рассыпавшись по всему рту и попавши въ желудокъ, сразу начинает свое дѣйствіе. Лисица нѣсколько времени мѣло хватаетъ въ ротъ снѣгъ, но скоро падаетъ мертвою. Этотъ способъ очень любятъ здѣшніе охотники и звѣроловы, потому что лисица чрезвычайно хитрое, смышленное животное, и дается въ руки вообще не легко. Кому не удастся запасться съ лѣта яицами, тотъ набиваетъ сумею кусочки стволовъ такихъ травъ, у которыхъ они дудчатые; т. е. пустыя въ серединѣ. Тогда пометы называются уже «дидилинками». На дидилинки годятся травы, даже высушенныя въ снѣгъ. Только для того, чтобы оболочка отравы была достаточно нѣжна и хрупка, съ дудчатаго ствола осторожно соскабливаютъ верхніе твердые слои.

Антипъ смотрѣлъ на меня съ торжествомъ.

— О! лисица хитрый звѣрь,—я его знаю, а ты не знаешь,—заговорилъ онъ, такъ коверкая слова отъ оживленія, что я даже не берусь передавать его измышленій въ русскомъ языкѣ:—она и человѣка обмануть умѣетъ, и стрѣлять умѣетъ, и рака и блоху поймать можетъ.

Я расхохотался.

— Да зачѣмъ-же ей блоха-то?

— У ней блохъ больше, чѣмъ у собаки; — горячо продолжалъ тунгузъ,—мучаютъ они ее, какъ насъ комары! Зубами всѣхъ не переловить,—въ хвостѣ ловить, а голову и спину грызутъ. Вотъ и ухитряется:—возметъ клочекъ соломы или травы въ зубы, влезетъ въ воду, сядетъ на заднія лапы и тихонько опускается все глубже да глубже, даже голову окунетъ, — только одинъ носъ да клочекъ травы сверху видно. Блоха не рыба,—воды не хочетъ:—съ хвоста скакнетъ на спину, со спины на шею, а съ шеи на голову,—да бѣда ей!—лисица и съ головой въ воду лѣзетъ. Одно сухое мѣсто на соломкѣ: прыгъ туда всѣ блохи съ горя, а лисица пихнетъ ее отъ себя прочь по водѣ, а сама и выскочитъ на берегъ.

— А стрѣляетъ она какъ? — спросилъ я, не переставая хохотать.

— Изъ ружья стрѣляетъ!—вскричалъ тунгузъ, точно сердясь на мое недоверіе.

— Звѣроловы устраиваютъ самострѣлы изъ ружей, перебилъ

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

его отецъ:—и приспособляютъ такъ, что въ ту минуту, когда лисица потянетъ приманку, курокъ спускается и выстрѣлъ безъ челоуѣка убиваетъ звѣря. Ты, вѣроятно, увидишь самъ это устройство, а потому я не стану подробно объяснять тебѣ его. Но лисица умудряется выстрѣлить—не трогая приманки, и съѣдаетъ ее уже тогда, когда опасность миновала.

Послѣ этого объясненія, я сталъ внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлалъ въ лѣсу мой Акимъ, тѣмъ болѣе, что отецъ сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ и русскіе, и инородческіе способы охоты и звѣроловства, такъ какъ сначала самъ занимался этимъ промысломъ на своей родинѣ, а потомъ ходилъ и съ русскими звѣроловами.

Только тогда я замѣтилъ, что Акимъ не даромъ такъ суетился и копошился передъ нашимъ выходомъ изъ Енисейска. Оказалось, что онъ заранѣе обдумалъ и заготовилъ все, что ему могло понадобиться. Кромѣ ягташа, который подарилъ ему отецъ, онъ надѣлъ себѣ на спину мѣшокъ, а къ поясу привѣсилъ жестянку, въ которой самъ сдѣлалъ изъ картона четыре отдѣленія. И вотъ въ эти-то хранилища укладывалъ онъ всѣ свои сокровища, которыя стали скоро такъ занимать и озабочивать и меня, что я всегда помогалъ ему.

О. Качулкова.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ О СИБИРИ.

(Продолженіе *).

Много новаго, удивительнаго и наводящаго на размышленіе увидѣлъ и узналъ я во время этихъ походовъ по лѣсу съ Акимомъ. Часто припоминались мнѣ слова Николая Семёновича, сказанныя имъ въ одинъ изъ первыхъ дней моего знакомства съ нимъ: «Нужно только внимательно и вдумчиво наблюдать природу, не гнушаясь даже ничтожнѣйшими мелочами ея жизни, и она сама покажетъ, какъ можетъ и долженъ пользоваться ею человѣкъ». Мнѣ часто приходило въ голову, что хотя бы человѣкъ прекрасно ознакомился со всеми тѣми явленіями, которыя уже извѣстны наукѣ,—ему необходимо дополнять эти познанія личными наблюденіями и бесѣдами съ такими людьми, которые, въ силу условій своей жизни, занатаются изстари, хотя и безъ надежной подготовки.

Таетжные лѣса совсѣмъ не то, что наши. Вся тайга состоитъ изъ невысокихъ горъ, съ тупыми, почти плоскими вершинами. У подошвъ стелятся неправильныя долины,—неправильныя потому, что и самыя горы разбросаны не кряжемъ, не цѣпью, а вразбросъ, безъ всякаго порядка. Такая поверхность сплошь поросла густымъ, вѣковѣчнымъ лѣсомъ сосенъ. На вершинахъ горъ царитъ вѣчная сырость, скаты сухи, долины также болотисты. Земля поросла густымъ, глубокимъ мхомъ, который вбираетъ въ себя такъ много воды, что она уже не держится въ немъ, а стекаетъ подъ него на землю, собирается въ потоки и ручьи, которые и образуютъ рѣчки и рѣки, бѣгущія по таетжнымъ долинамъ. Будь земля въ глубинѣ лѣса ровная, это стеганіе воды могло бы осушить ее. Но вѣтры

*) См. «Семью и Школу» № 4, за 1875 г.

и время каждый годъ валять погибшія деревья цѣликомъ, обламываютъ усохшія вѣтви, и сучья, и все это лежитъ на землѣ, загромождаетъ ее, порастаетъ мохомъ и въ промежуткахъ образуетъ углубленія, которыя сверху также покрыты мохомъ, но внутри составляютъ какъ бы сосуды, въ которыхъ постоянно стоитъ вода. Это называется здѣсь мочагами. Я упоминалъ о нихъ, говоря о таежныхъ дорогахъ.

— Такое размѣщеніе влаги не могло не отразиться и на растительности. Сосны вездѣ растутъ густо. Но и мрачному, густовѣтвенному великану съвера хочется дохнуть открытымъ, чистымъ воздухомъ, согрѣть свои окоченѣвшія длинной зимой вѣтви—въ лучахъ не долгаго, но знойнаго солнца. Спѣшитъ онъ и тянется перегнать ростомъ своихъ сотоварищей, но и они бьются о томъ же,—тянутся все выше и выше. Оттого они и достигаютъ значительной высоты. Снизу стволы совсѣмъ безъ вѣтвей, ровные, пряные, стройные, какъ колонны; вѣтви начинаются высоко надъ землею. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ становится замѣтно сырѣе, появляются березки, ольха и рябина. Онѣ растутъ гораздо ниже сосенъ, листва ихъ составляетъ точно второй этажъ зелени,—подлѣсокъ, какъ называютъ это сибиряки. Ниже ихъ растетъ богатая, высокая трава. Особенно роскошны папортники, которые своими прихотливо и изящно изрѣзанными листьями образуютъ какъ-бы третій этажъ таежнаго лѣса. Кедръ, лиственница и сосна совсѣмъ не могутъ жить безъ свѣта и чистаго воздуха—и не примѣшиваются къ чащѣ, а выбѣгаютъ—или на опушки лѣса, или растутъ особняками, на полянкахъ.

Ходить по такому лѣсу далеко не удобно и очень утомительно. Жаръ и несносные комары и мошки дѣлаютъ переходы еще мучительнѣе. Я придумалъ, съ горя, намазать себѣ лицо жиромъ, что хоть немного защищало меня отъ нестерпимаго, раздражающаго жаленья. Агимъ ворчалъ, отмахивался, но все-таки былъ гораздо терпѣливѣе меня. Собирали мы съ нимъ такія вещи, которыя еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не только не остановили бы моего вниманія, но еслибы я увидѣлъ, что собираетъ ихъ кто-нибудь другой, то навѣрно сталъ бы смѣяться. Агимъ очень ловко отдѣлывалъ отъ березы наросты, которые похожи на половинки какихъ-то сверху бѣлыхъ, а внутри желтыхъ

и губчатыхъ грибовъ. Онъ надѣвалъ ихъ на тонкія палочки и цѣлыми десятками развѣшивалъ у себя на спинѣ, «чтобы высохли», какъ пояснилъ онъ мнѣ. Тоже дѣлалъ онъ и съ губчатыми наростами тальника. По вечерамъ, на привалахъ, онъ всѣми силами старался уложить это такъ, чтобы оно занимало какъ можно меньше мѣста. Одинъ разъ онъ подошелъ къ высокой соснѣ, ловко взлѣзъ на нее, сорвалъ нѣсколько шишекъ, раскрошилъ ихъ и сталъ внимательно осматривать. Но черезъ нѣсколько минутъ—съ сожалѣніемъ сбросилъ все на землю, прыгнулъ и самъ—и сказалъ, подходя ко мнѣ:

— Нѣтъ, рано,—зеленая, пустая.

— А тебѣ на что?—спросилъ я.

— Бѣлка любитъ, воровать придетъ, а ее плашка и скрапаетъ. Только она зернышки любитъ, а теперь нѣтъ, зелена шишка, надо около Спаса брать. И все собиралъ для бѣлокъ,—она все это ѣсть,—тогда и ловится. Зимой хорошо! а лѣтомъ готовъ.

— Неужто всё на это и ловятъ?—спросилъ я.

— Какъ она сама захочетъ, вотъ какъ ловятъ! Одну зиму таловую губку любитъ, другую говядины захочетъ, а на иную сосновыхъ шишекъ запроситъ. Охотникъ умный смотрѣть долженъ, а то дуракъ онъ—и безъ хлѣба останется! Хочешь, плашку покажу?

— Хочу.

— Ну, пойдѣмъ.

Партія наша уже свернула съ убогой таежной дороги и медленно, съ трудомъ, тянулась по лѣсу цѣликомъ. Проводникъ шелъ впереди. Мы съ Акимомъ по прежнему отходили въ стороны, хотя и не особенно далеко. Кругомъ былъ лѣсъ густой, темный,—нельзя было и предполагать, чтобы здѣсь раньше насъ побывалъ чело-вѣкъ. Однако, Акимъ остановился и сталъ зорко оглядываться,—потомъ вдругъ подошелъ къ одному дереву и подозвалъ меня. Около сажени повыше корня—стволъ былъ стесанъ съ двухъ сторонъ. На обнаженномъ мѣстѣ выступали янтарныя капли смолы и все стесанное мѣсто казалось ярко-желтымъ пятномъ на темно-красно-буромъ фонѣ коры.

— Кто это стесалъ дерево?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Охотникъ тесалъ,—весело отвѣтилъ тунгузъ,—это его дорога. Въ лѣсу всё деревья, какъ одно,—надо дорогу мѣтить. Ви-

дишь, тамъ другая?—прибавилъ онъ, указывая пальцемъ куда-то въ сторону.

Я взглянулъ туда—и саженьхъ въ десяти отъ насъ увидѣлъ другое такое же стесанное дерево. Желтое пятно ярко отдѣлялось отъ всего окружающаго и невольно бросалось въ глаза.

— Вотъ дорога охотника,—пояснилъ мнѣ Акимъ.

— А отчего же это стесано такъ высоко?

— Зимой охотникъ тесалъ, свою дорогу зимой дѣлалъ! Снѣгъ большой,—человѣкъ выше стоялъ. Пойдемъ плашку искать.

Онъ опять сталъ оглядываться,—вдругъ улыбнулся, мотнулъ головой и зашагалъ впередъ. Я шелъ слѣдомъ за нимъ. Акимъ подвелъ меня къ двумъ деревьямъ, которыя росли не далѣе аршина одно отъ другаго. Между ними, точно скамеечка, была врублена толстая доска, шириной въ пол-аршина. На ней лежала другая, повороче, но такой же ширины.

— Ну вотъ и плашка, только звѣря нѣтъ!

— Да какъ же ею бѣлку-то поймать?

— А вотъ гляди.

Онъ приподнялъ верхнюю доску за одинъ конецъ: подъ нею оказалось двѣ, углами вырѣзанныя, тоненькія дощечки и палочка. Акимъ ловко составилъ дощечки такъ, что онѣ дополняли одна другую своими вырѣзами и образовали какъ бы одну цѣлую; а чтобы онѣ крѣпче держались вмѣстѣ, защемилъ ихъ въ вырѣзку на одномъ концѣ палочки, другой конецъ которой былъ просто разщепленъ вдоль. Послѣ этого—онъ опять поднялъ одинъ конецъ верхней доски и подперъ ее составной дощечкой такъ, что разщепленный конецъ палочки, которая ихъ скрѣпляла, приходился между верхней и нижней досками.

— Вотъ сюда кладутъ поѣдь,—объяснилъ Акимъ, указывая на разщепленный конецъ палочки,—бѣлка красть придетъ, а ее и хлопъ!

Я протянулъ руку и дотронулся до того мѣста, куда защемяютъ поѣдь, или *наживку*, какъ здѣсь называютъ приманку. Составная подпорка повалилась, а верхняя доска упала на нижнюю и довольно сильно пришибла мнѣ руку. Я невольно отдернулъ ее и потерялъ.

Акимъ засмѣялся.

— Теперь понялъ, какая бѣлка бѣда? Всю такъ и притиснетъ! А еще охотникъ сверху владеть гнетикъ, тогда еще труднѣе ей,— она вѣдь звѣрь маленькій. Хочешь, я тебѣ бѣлку поймаю?—спросилъ онъ вдругъ.

— Чѣмъ же? Вѣдь хоть наживка у тебя и есть, а намъ нельзя ждать, покуда бѣлка за ней въ плашку придетъ и попадетъ. Вотъ сейчасъ крикнулъ папа,—они уже далеко,—возразилъ я.

— Да ждать и не недо. Пойдемъ, увидишь.

Мы пошли впередъ, догоняя партію. Акимъ на ходу сръзалъ молодую, но уже очень высокую, тонкую ель и очистилъ ее отъ вѣтвей; потомъ порылся въ своемъ необъятномъ карманѣ и вытащилъ оттуда небольшой мотокъ шнура, ссученнаго изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ.

— Что ты—удочку дѣлаешь, Акимъ?—спросилъ я.

— Удочку, чтобъ тебѣ бѣлку поймать,—отвѣтилъ онъ, отрѣзая небольшой конецъ шнура и пряча остальное.

Шнурокъ изъ конскаго волоса былъ упругъ, такъ что, когда Акимъ связалъ изъ него подвижную петлю, она не спадалась, а стояла почти круглая—какъ обручъ. Онъ вложилъ въ нее палецъ и дернулъ. Петля затянулась, но какъ только онъ отпустилъ ее, она опять расправилась—какъ обручъ. Эту петлю Акимъ привязалъ къ тонкому концу своей очищенной еловой жерди и пошелъ впередъ, зорко поглядывая на густыя вѣтви сосенъ.

— А! вотъ!—вдругъ сказалъ онъ, подходя къ толстой вѣтвовой соснѣ, точно сѣдой человѣкъ, поросшей длиннымъ изсѣрѣ—и иззеленѣ—бѣлымъ мхомъ. Тунгузъ постучалъ концомъ своего удилица въ стволъ. Вдругъ, между двухъ толстыхъ вѣтвей, тѣсно росшихъ одна надъ другою, показалась головка бѣлки. Во всей мордочкѣ и въ маленькихъ блестящихъ глазкахъ такъ и свѣтилось преуморительное любопытство. Она замѣтила Акима и уставилась было на него, но онъ въ одну секунду нагнулъ ей на шею свою петлю, затянулъ ее—и бѣлка повисла на удилицѣ. Онъ снялъ ее, прирѣзалъ ножемъ, а надъ нами опять торчала уже точно такая же головка. На долю ей выпала таже участь. Но когда показалась третья, Акимъ даже издалъ какой-то очень радостный звукъ—и ее ловить не сталъ.

— Чему ты такъ обрадовался?—спросилъ я.

— Три въ гнѣздѣ сидѣли,—значить зимой ихъ много будетъ. Охотникъ всегда такъ знаетъ — и радъ! Пойдемъ къ партіи,—сидѣть и ѣсть скоро будутъ.

Насъ дѣйствительно окрикнули почти въ ту же минуту. Акимъ на ходу же содралъ шкурки съ обѣихъ бѣлокъ и отдалъ ихъ мнѣ. Партія, которую мы скоро догнали, расположилась на берегу рѣки въ долинѣ.

Я подошелъ прямо къ отцу и показалъ ему подарки Акима.

— Жаль, что вы ихъ убили, Володя, — сказалъ онъ: вѣдь бѣлки теперь не хороши, а за лѣто онѣ принесли бы штукъ шесть или восемь бѣлять, которые зимой очень пригодились бы бѣдному охотнику.

— Совсѣмъ вы отвыкли отъ Сибири, Андрей Дмитричъ,—почкалъ на него съ улыбкой головою Николай Семеновичъ: ну что значать въ нашемъ раздольи двѣ или хоть восемь бѣлокъ! Ты какъ поймаешь, Акимъ,—осилишь?

— Вотъ сила!—отвѣтилъ тунгузъ, показывая на свою подвижную петлю, привязанную къ удилицу.

— Ну, вотъ теперь Володя знаетъ, что значать по нашему: «осидить бѣлку». А что твои бѣлки плохи, такъ это вѣрно, мой милый,—обратился Сердечныхъ ко мнѣ.

— А чѣмъ и отчего?—спросилъ я, точно обидѣлся.

— Вотъ видишь, братъ: въ каждомъ мѣху цѣнится цвѣтъ шерсти, густота волосъ и прочность. Ты вѣдь слыхалъ, вѣрно, что къ веснѣ всякій звѣрь линяетъ, т. е. шесть у него линяетъ и дѣлается рѣже. А я прибавлю тебѣ, что и цвѣтъ мѣха мѣняется по временамъ года. У насъ, сибиряковъ, есть даже на это свои примѣты, въ родѣ барометра. Когда съ осени бѣлка начнетъ сѣрѣть рано, значить—и зима придетъ скоро; а если она долго рыжая бѣгаетъ, вотъ какъ твои,—тогда зима станетъ еще долго спустя. Такъ значить, зимой бѣлка бываетъ сѣрая, даже съ черной полосой на спинѣ,—и это самая лучшая пора охотиться за ней. Тогда на ней шерсть гуще, темнѣе и прочнѣе. Время это приходится отъ 8 ноября. Наши купцы такъ и дѣляютъ шкурки по цвѣту и времени года. Тѣ, что убиты послѣ 1 октября, а еще лучше послѣ 8 ноября, называются *дошлыми* и *ушлыми*; а тамъ ужъ идутъ остальные сорта, которые вообще зовутъ *подпалью*, оттого, что въ шерсти

много красного, точно спаленного цвѣта. Но и между ними есть различныя степени,—самая худшая—это *горболысь, когда даже вся спинка рыжая, вонъ какъ у твоихъ бѣлокъ.

Я осмотрѣлъ свои шкурки,—онѣ дѣйствительно были совершенно красноватаго цвѣта,—и не даромъ прозвалъ ихъ народъ подпалью: онѣ сильно напоминали цвѣтъ спаленныхъ волосъ.

— Да по верхнему цвѣту шерсти не всегда хорошо узнаешь настоящее достоинство мѣха,—сказалъ Николай Семеновичъ;—давай-ка, кстати, я тебя научу этому дѣлу. Можетъ случиться, что тебѣ покажутъ шкурку сверху и сѣрую, а ты дунь ее сверху,—волоски раздвинутся, а подъ ними мездра рыжая. А самый лучший способъ узнать настоящую дошлую бѣлку—это посмотрѣть на лѣвую сторону мѣха. Если по срединѣ шкурки проходитъ синеватая полоса, то въ глубинѣ мѣха непременно красноватый цвѣтъ.

— Такъ жаль, что Акимъ убилъ этихъ бѣлокъ,—согласился я.—Впрочемъ, у насъ онѣ еще рыжѣе. Я одинъ разъ убилъ на дачѣ въ деревнѣ бѣлку, такъ она была совсѣмъ рыжая, гораздо свѣтлѣе этихъ.

— Это вѣрно. Извѣстно, что чѣмъ западнѣе, тѣмъ бѣлка становится свѣтлѣе. Даже у насъ, въ Сибири, это очень замѣтно. У истоковъ восточныхъ притоковъ Лены она доходитъ зимой почти до чернаго цвѣта, а у насъ этого нѣтъ. За то тамошнія бѣлки и дороги. А что касается до безвременной смерти этой пары, такъ ты не огорчайся. Это все-равно, что капля въ морѣ. Знаешь—сколько бьютъ ее здѣсь въ годъ? Бывали года, другъ сердечный, когда въ одинъ Китай черезъ Кяхту отправляли до восьми миллионовъ штукъ! Нынѣ, правда, количество это поуменилось, вертится между тремя и пятью миллионами штукъ для Китая; тамъ вата большой подрывъ бѣлки сдѣлала, а все и это не дурно.

— Восемь миллионовъ бѣлокъ!—неволью повторилъ я.

— Да, да въ Европу миллиона два; не мало остается и на потребности края.

— Да вѣдь это цѣлыя горы мѣха! — продолжалъ я удивляться.—Да кто-жъ занимается этимъ?

Николай Семеновичъ добродушно смѣялся. Любилъ онъ свою Сибирь—и радостно ему было, что такъ поражаютъ меня ея богатства.

— Много людей, мой милый, прокармливаетъ этотъ звѣрекъ. Есть много и русскихъ охотниковъ и звѣролововъ, а также промышляютъ имъ и инородцы,—тунгусы, остяки, коряги, доманы,—бьютъ и ловятъ ее зимой. Когда вскрыется Енисей, изъ Минусинскаго края потянутся внизъ по теченію рѣки барки съ хлѣбомъ. Везутъ его и для приисковъ, и для Туруханскаго края. Около этого-же времени выходятъ на берегъ изъ глубины тайги и инородцы, чтобы заплатить подати, закупить хлѣба и всякихъ другихъ необходимыхъ вещей. Это называется у насъ, что они *выходятъ на суланы*. Вотъ тутъ то и вымѣниваютъ у нихъ купцы мѣха. Нѣкоторые посылаютъ своихъ прикащиковъ и нарочно для закупки мягкой рухляди, т. е. тѣхъ-же мѣховъ. Привозятся они въ Енисейскъ около сентября. Тутъ сортируютъ ихъ особые мастера на четыре сорта: князька, черную, бурую и свѣтлую. Князька и бурую оставляютъ цѣликомъ, хвостиковъ не отрѣзаютъ, потому что они черные; а у бурой и свѣтлой хвостики отрѣзаютъ прочь и продаютъ пудами. Какъ разсортируютъ такъ шкурки, связываютъ по двадцати штукъ вмѣстѣ. Такія связки называются бунтами. Ихъ кладутъ между досками въ тиски; послѣ этого лучшіе сорта укладываютъ еще въ мѣшки. Вотъ и готова бѣлка къ отправкѣ, куда хочешь,—хлопочи только, чтобы она не подмогла. И такимъ незатѣйливымъ образомъ вывозятся отъ насъ наши милліоны шкурокъ!

— Но вѣдь если каждый годъ уничтожаютъ столько бѣлокъ, такъ онѣ могутъ перевестись,—замѣтилъ я.

— Семь—восемь милліоновъ, число, дѣйствительно, большое, но вѣдь и Сибирь велика и тайги въ ней много. А бѣлка такія мѣста любитъ. Много ея у насъ. Она вѣдь плодлива,—говорилъ Николай Семеновичъ съ какой-то нѣжностью,—дѣти у ней рождаются два раза въ лѣто. Первый разъ, въ маѣ, принесетъ она штукъ шесть, второй разъ, въ іюлѣ, штуки четыре. При такомъ размноженіи—охота не приносить такого сильнаго ущерба, чтобы она могла ужъ и совсѣмъ вывестись. Но есть на бѣлку другія бѣды, уже въ самой природѣ,—тѣ дѣйствуютъ на нее сильнѣе, такъ что иной годъ ловъ выходитъ совсѣмъ плохой. Боятся бѣлка моровы, и если лѣто и осень стоятъ дождливыя, она рѣдко выходитъ изъ гнѣзда и не успѣетъ запастись хорошенько на зиму, ѣсть много

сосновыхъ шишекъ,—а отъ этого усики у ней засмаливаются—и она не можетъ открыть рта, и околѣваетъ съ голоду въ большомъ количествѣ. Много губить ее то же разный звѣрь и птица, особенно бѣдуютъ онѣ отъ воронъ. Охотники здѣшніе придумали—какъ выводить это зелье—птицу. Хочешь—я научу тебя?

— Научите, пожалуйста, Николай Семеновичъ; если дѣло это не трудное, я и самъ этимъ займусь. Пусть отъ меня погибнетъ десятокъ—другой.

— Возьми ты кусокъ мяса, все равно какого,—нарѣжь его маленькими кусочками, къ каждому кусочку привяжи по недлинному конскому волосу и разбросай по лѣсу. У вороны чутье вообще сильное, а гниющее мясо онъ чуетъ очень издалека. Деликатно и благовоспитанно она ѣсть не мастеръ,—небольшие куски глотаетъ сразу. Ну, мясо-то она проглотитъ, а конецъ волоска остановится въ горлѣ и щекочетъ его. Примется неуклюжий старикъ самъ помогать своей бѣдѣ,—запустить свой здоровенный коготь себѣ въ горло, да и почесываетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не просколбеть насквозь, а ужъ отъ этой ему, разумѣется, вѣрная и скорая смерть.

— Вѣдь придумали же такую хитрую штуку!—раземѣлся я.— Непремѣнно застрѣлю чтонибудь—и буду оставлять воронамъ по нашимъ слѣдамъ такое угощеніе.

— Да, придумали—и придумали хорошо!—отвѣчалъ Николай Семеновичъ;—да вѣдь охотнику и часто приходится раздумывать надъ свойствами, привычками животныхъ и ихъ потребностями и даже прихотями, и пользуясь ими изобрѣтать новыя средства лова или безопасности. Вотъ сейчасъ толковали мы съ тобой про бѣлку. Я самъ знаю одного звѣролова, котораго она такъ озадачила, что не будь онъ умный человѣкъ, пришлось-бы ему всю зиму потерять почти задаромъ. Приманкой или, какъ у насъ говорятъ, наживкой въ бѣличьи ловушки кладутъ обыкновенно разную погань: и вяленную рыбу, и сосновыя шишки, наросты съ тальника и ели. Такъ дѣлалъ и мой знакомецъ. Только смотреть онъ одну зиму: что за втора такая приключилась!—ни на одной плашкѣ наживка не тронута! Сталъ онъ задумываться: вѣдь дѣло-то выходитъ не шуточное,—того и смотри—зиму проработаешь, а семью безъ хлѣба оставишь. Да вѣдь сколько ни думай, а изъ своей головы ничего не узнаешь, надо кругомъ помострѣть,—не подскажетъ-ли что ни-

будь, какъ помочь бѣдѣ,—что стала бѣлка ѣсть. Ходилъ онъ—ходилъ, да посматривалъ, и видитъ,—лежить на снѣгу что-то темное. Подходить, а это его старый шайданникъ—и весь-то онъ изгрызенъ до дыръ. А шайданникомъ называется передникъ, который надѣваютъ поверхъ всей одежды русскіе звѣроловы. Шьется онъ изъ толстаго крестьянскаго сукна, а сверху нашивается на него толстый холстъ. Носятъ его звѣроловы долго, часто обливаема онъ кровью и саломъ, такъ что къ старости на столько пропитывается всѣмъ этимъ, что становится—какъ кожа какая-то. Вотъ и догадался мой звѣроловъ, чего бѣлка эту зиму на поѣдъ захотѣла. Взялъ онъ этотъ шайданъ въ зимовье, разрѣзалъ его на мѣлкіе кусочки и сталъ вмѣсто наживки по плашкамъ привязывать. Пошелъ у него ловъ чудесный. Такъ вотъ что значить—не опускать рукъ въ бѣдѣ, а посмотреть—въ чемъ дѣло.

«Смотрѣть глазами и шевелить мозгами»—вспомнилась мнѣ поговорка Николая Ивановича.

Когда партія опять двинулась дальше, мы съ Акимомъ и тѣмъ-же молодымъ работникомъ опять пошли стороной. На этотъ разъ и молодой работникъ не оставался безъ дѣла. Я замѣтилъ, что и онъ отрѣзаетъ отъ березъ наросты, только выбираетъ деревья самыя старыя и исковерканныя. Не пропускалъ онъ и бѣлой таловой губки.

— На что это тебѣ?—спросилъ я.

— Чагу я собираю, чтобъ пить ее какъ чай, потому что духъ въ ней хорошій и для здоровья пользительна,—отвѣчалъ онъ;— а бѣлая губка съ талыа ужъ такъ-то хорошо пахнетъ, что у насъ бабы ее по праздникамъ въ церковь берутъ.

— Вмѣсто духовъ, значить,—пояснилъ я.—Ну, а чага вкуса, когда обварится кипяткомъ?

— Да, пить ее вкусно, и ни чѣмъ она не хуже нашего кирпичнаго чаю,—отвѣтилъ онъ:—вѣдь тутъ, покрайности, пьешь чистое растеніе божіе, а чай-то тотъ что? Знаемъ вѣдь мы, какъ онъ дѣлается! Вотъ, какъ заготовляютъ хорошіе чаи,—остается всякій соръ, и палочки и листики похуже, попадаетъ и червячекъ и мушка. Возьмутъ—наболтаютъ въ воду рисовой муки, только жидко-жидко, да и намочатъ тотъ соръ, а потомъ въ тиски кла-

дуть—да и нарѣзають кирпичами. Вода-то клейкая станеть и держитъ соръ вмѣстѣ. Тагъ вотъ какой кирпичный чай!

— Да, и чага, и бѣлая губка—хорошія,—вмѣшался Акимъ,—онѣ и охотнику нужны. Звѣрь хорошо человѣка чуетъ: если рукою голой ему ловушку ставить,—не пойдетъ,—человѣкомъ пахнетъ. Носятъ звѣроловы мохнатки изъ камысовъ *), да вѣдь не всякое дѣло въ мохнаткѣ сдѣлаешь. Вотъ тогда и надо натирать все таковой губкой, чагой, либо листовницей. Тагъ ужъ каждый звѣроловъ и знаетъ.

— А вотъ и шаста, кабачническое зелье!—со смѣхомъ сказалъ рабочій, подходя къ старой ели и сдирая нѣсколько паростовъ.—Акимъ, не хочешь-ли хоть пожевать,—шутливо приставалъ онъ къ тунгузу,—вѣдь вашъ братъ до этого гораздо охочъ.

Акимъ сердито заворчалъ.

— А что это такое?—спросилъ я.

— Шаста это, баринъ,—отвѣчалъ рабочій,—она очень дурманитъ человѣка. Вотъ и кладутъ ее кабатчики въ вино, чтобы народъ скорѣе хмѣлѣлъ, да больше денегъ проводилъ у нихъ. Особенно много тратятъ они шасты для инородцевъ, какъ прѣйдутъ тѣ мѣшину размѣнивать. Очумѣеть отъ нея бѣдняга и отдастъ свой товаръ за ничто.

Въ этотъ-же день пришлось мнѣ увидѣть такую борьбу, о возможности которой до того я никогда и не подозрѣвалъ. На ходу повстрѣчалось намъ небольшое озеро, расположенное въ долинѣ. Кругомъ обступилъ его густой и темный таежный лѣсъ. Мы вышли къ самой водѣ и остановились. Всегда отрадно взглянуть на тихую воду, въ которую смотрится небо съ бѣлыми облаками и лѣсъ со своимъ лѣтнимъ нарядомъ. Съ минутою, мы постояли молча.

*) Такъ называются перчатки, сдѣланные изъ кожи съ концовъ ноги оленя. Верхняя часть дѣлается шерстью вверхъ а на ладони изъ выдѣланной кожи. Къ такой перчаткѣ пришивается длинный и широкій кусокъ рождуги, т. е. выдѣланной оленьей шкуры безъ волосъ, въ родѣ крагъ, только мягче и длиннѣе. Эта часть доходить до локти и обвязывается вокругъ руки ремнемъ. Такъ какъ снимать такую перчатку долго, а есть у охотника дѣла, которыя можно сдѣлать только голой рукою, то внизу ладони дѣлается поперечный разрѣзъ. Стоить только согнуть пальцы и высунуть ихъ изъ этого разрѣза—и рука свободна.

Вдругъ Акимъ схватилъ насъ за руки и тихо оттащилъ въ сторону, за деревья.

— Смотри, орелъ хочетъ рыбу ловить, — проговорилъ онъ въ полголоса.

Я еще не видѣлъ орла, о которомъ онъ говорилъ. Но въ эту минуту—онъ какъ камень спустился съ высоты къ водѣ со сложенными крыльями. Ухватилъ тамъ что-то ногтями, сильно замахалъ крыльями,—но подняться не могъ. Ясно было, что и его самага сильно тянули въ воду. Орелъ упирался, билъ крыльями по водѣ, какъ-то странно вскрикивалъ, но все напрасно,—взлетѣть онъ не былъ въ состояніи. Теперь я уже не боялся спугнуть его звукомъ голоса и, не сводя съ него глазъ, спросилъ Акима.

— Въ чемъ дѣло?—Кто его тянетъ въ воду?

— Рыба,—отвѣтилъ тотъ;—видишь рѣчку,—показалъ онъ мнѣ на довольно многоводный истокъ, бѣжавшій изъ озера.— Вѣрно, оттуда заплылъ сюда большой осетеръ. У орла глаза чудесные. Увидалъ онъ осетра, выждалъ, чтобъ онъ повыше поднялся, да и бросился на него словно камень,—поймать хотѣлъ, а вотъ теперь самому бѣда пришла.

Орелъ уже видимо выбивался изъ силъ. Онъ уже нѣсколько разъ окунулся въ воду по горло. Смокшія перья становились тяжелы.

— Какой онъ злой—и какъ своего упустить не хочешь!—неволью проговорилъ я.

— И разъ бы онъ теперь отступиться, да ужъ самъ не воленъ,—объяснилъ мнѣ рабочій.—со зла-то, да со спѣху онъ видно больно крѣпко запустилъ въ рыбу когти, они засъли у ней въ косяхъ,—теперь и не вытащить. Утопить она его!

Я приложился и хотѣлъ было выстрѣлить, но Акимъ ударжалъ меня.

— Не надо, спѣшно заговорилъ онъ,—рыба его на дно утащить,—перья намъ не достанутся, а въ водѣ они оба подохнутъ, выплывутъ на верхъ—и унесетъ ихъ водой.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько секундъ, послѣ нѣсколькихъ жалкихъ попытокъ подняться на воздухъ, орелъ злобно и отчаянно крикнулъ и исчезъ въ глубинѣ. По тихому озеру пошли широкіе круги—и все стихло.

— Хорошо подрались!—похвалилъ Акимъ.—А вѣдь здѣсь, надо быть, гдѣ нибудь орлиное гнѣздо есть; надо-бы поискать, да некогда, пора къ партіи идти.

— Зачѣмъ тебѣ гнѣздо?

— Тебѣ показать хотѣлъ. А то еще нужны орлиныя перья, — охотнику къ стрѣламъ придѣлывать. Оно и красиво, полетитъ отъ того лучше.

— Да развѣ дастся тебѣ орель въ гнѣздѣ, чтобъ ты перья съ него ошипалъ? насмѣшливо спросилъ я.

— Нѣтъ, не дастся,—отвѣчалъ онъ спокойно,—а охотникъ маленькихъ беретъ,—они выростутъ, тогда перья и щиплютъ.

Мы пошли уже обратно, часто перекликаясь и аукаясь съ партіей.

Вдругъ, на одной темной соснѣ я увидѣлъ большое, но очень небрежно построенное—гнѣздо и показалъ его Акиму.

— Ага!—говорилъ, что гнѣздо близко!—радостно крикнулъ онъ.—Я полезу наверхъ, спугну орлицу, а ты стрѣлай.

Онъ сталъ взбираться на дерево, а я заготовилъ ружье.

— Береги глаза-то!—предостерегалъ его рабочій,—выключеть она ихъ тебѣ.

Но Акимъ укрѣпился на сугѣ подъ гнѣздомъ и снизу проткнулъ въ него дуло своего ружья. Испуганная орлица вырвалась и полетѣла, но я выстрѣлилъ по ней крупной дробью. Выстрѣлъ пришелся какъ разъ въ сердце. Акимъ спустился съ дерева, а я взобрался на его мѣсто и даже выше, къ самому гнѣзду. Это было весьма не затѣйливое сплетеніе прутьевъ и вѣтокъ. Въ немъ сидѣли два птенца. Я взялъ ихъ въ шапку и спустился къ товарищамъ.

Между тѣмъ Акимъ и рабочій спѣшно выдергивали перья изъ хвоста и крыльевъ орлицы. Это была большая птица, дюймовъ въ тридцать равномѣрнаго бурога цвѣта, на спинѣ темнѣе, на головѣ-же цвѣтъ переходилъ въ чало-рыжіи.

Окончивъ съ орлицей, мы спѣшно пошли къ партіи. Тамъ слышали нашъ выстрѣлъ и спросили насъ, въ чемъ было дѣло. Николай Семеновичъ предсказалъ мнѣ впрочемъ, что орлята едва-ли выживутъ дорогой. Впоследствии, дня черезъ четыре, они дѣйствительно околѣли.

Впрочемъ, всѣ люди были такъ утомлены, что не обратили особеннаго вниманія на наши рассказы.

Вечерѣло. Солнце уже скрылось изъ глазъ, но золотистоалые лучи пробивались и просвѣчивали еще тамъ и сямъ на вершинахъ, сквозь густую сѣть хвойной зелени. Съ земли бѣлымъ паромъ началъ вставать туманъ. Птицы смолкли. Притихли и истомленные люди. Тяжело шагали они впередъ, молча выжидая желаннаго отдыха. Все истомленное тѣло—чуткими, усталыми нервами покорялось величавому покою и затишью природы. Смолкли рѣчи и шутки, даже лошадей погоняли и ободряли вполголоса, точно боясь нарушить полнымъ, рѣзкимъ звукомъ этотъ чуткій покой. Какъ-то неволью раздумывается въ такую минуту о миломъ—далекомъ; такъ и несетъ и тянетъ душа—туда, гдѣ остались дорогіе сердцу люди. Я вспомнилъ о матери, о васъ всѣхъ, а особенно о тебѣ.

Выбрали сухой скатъ таежной горы и остановились. Въ людяхъ опять заговорилъ призывъ къ заботамъ о житейскихъ нуждахъ. Тотъ тихій міръ воспоминаній и грустно-нѣжнаго чувства, который за минуту передъ тѣмъ царилъ въ душѣ, разлетѣлся передъ насущными нуждами минуты. Всѣ хлопотливо завозились возлѣ лошадей, ставили палатки, рубили лѣсъ и стаскивали костры.

Скоро совсѣмъ стемнѣло. Рѣзко свѣтились на темномъ фонѣ потемнѣвшаго лѣса яркое, безпокойно пылающее пламя. Бушевалъ огонь на кострахъ и точно спѣшилъ онъ скорѣе, скорѣе облизать своими жадными языками каждую вѣтку и обратить ее въ зоду. Яркими пятнами выступали изъ тьмы залитыя красноватымъ свѣтомъ—бородатыя, загорѣлыя лица, бѣлыя рубахи, курчавыя и всклокоченныя головы. Кто усердно жевалъ, кто переобувалъ усталыя ноги, кто любовно поглядывалъ на огонь, кто досадливо отбивался отъ комаровъ. Слышались шутки, смѣхъ, а иногда сквозь общій гамъ прорывался тяжелый, раздумчивый и звучный русскій вздохъ и стонъ.

А выше, надъ всѣмъ этимъ, чернѣлъ вершинами густовѣтвистый вѣковой сосновый лѣсъ. Уныло и величаво шумѣли его высокія чащи—и Богъ вѣсть, что хотѣли онѣ сказать этимъ людямъ и этому огню, которые своимъ задорнымъ свѣтомъ и шумнымъ говоромъ пришли нарушить его вѣковѣчную, таинственную ночную жизнь. И—точно гнѣваясь отъ дерзкаго сосѣдства безвременнаго свѣта—еще гуще стемнѣли старыя вершины, и лишь зелень рябины, легкимъ, капризнымъ узоромъ, выступала на свѣтъ изъ ихъ мрака.

Мнѣ какъ-то не хотѣлось ни ѣсть, ни спать. Я остановился у нашей палатки и долго смотрѣлъ на эту картину ночнаго лагеря въ лѣсу. Рабочіе стали укладываться и скоро смолкли совершенно. Кое-гдѣ уже слышался богатырскій храпъ, стонъ или вздохъ во снѣ. Можетъ быть, видѣлись которому—нибудь бѣднягѣ далекія, милыя мѣста, печально смотрѣли на него ласковые глаза съ родныхъ, любимыхъ лицъ. Вспоминалась нужда, въ которой осталась семья,—и нудно вздыхалъ онъ даже во снѣ.

А я все стоялъ на мѣстѣ. Когда стихли люди, яснѣе стали ночные звуки лѣса. Вотъ—среди тишины послышался спѣшный, порывистый, точно испуганный шелестъ. Я слышалъ его уже не разъ—и зналъ, что это мчится заяцъ отъ хитрой и жадной лисы. Издали донесся тяжелый, но мѣрный топотъ. То шелъ къ водопою великанъ сохатый. Но спокойная рысь вдругъ перешла въ бѣшеную скачку, раскатисто пророкотавшую въ лѣсу, слышался трескъ сломленнаго дерева, стукъ, точно отъ ударовъ топора. То кровожадная росомаха подстерегла величаваго сохатаго, взобравшись на дерево, и вдругъ прыгнула изъ листьвы на шею бѣдняги и принялась зубами и когтями терзать живое, трепещущее тѣло, спѣша перегрызть ему шейныя жилы. Взвился великанъ подъ своей ненавистной, терзающей, смертельной пошей, полетѣлъ—и въ своемъ бѣшенномъ бѣгѣ крушилъ деревья, ломалъ рогами сучья и понять не могъ, что всѣ чудеса его силы безсилны передъ ничтожнымъ, но эхиднымъ врагомъ. И Богъ знаетъ, какое разстояніе пронесется онъ въ своемъ страхѣ и страданіи, гдѣ упадетъ, обезсиленный, съ перерванными жилами. Топотъ слышался все дальше, дальше—и наконецъ замолкъ гдѣ-то за горами. Наступила глухая тишина. Точно самый лѣсъ замеръ отъ потрясающаго и отвратительнаго видѣнія. Но вдругъ его разбудилъ злобный и протяжный вой. Я даже задрожалъ,—такъ шло это въ разрѣзъ съ мертвымъ покоемъ. То были волки. Между дальними стволами деревьевъ, желтѣвшихъ въ полумракѣ, мелькнуло нѣсколько подвижныхъ огоньковъ.

Кто-то изъ рабочихъ повернулся съ боку на бокъ, въ просоньки выбравилъ волковъ и опять заснулъ. Изъ нашей палатки слышались спокойные голоса отца, Николая Семеновича и Потапова. Это были всегда готовые помочь мнѣ люди: мысль эта успокоила меня.

«Вотъ что значитъ, когда люди вмѣстѣ,—ничего не страшно!»—

подумалъ я.—«Страшенъ этотъ дикій лѣсъ и днемъ, —еще страшнѣе онъ ночью, а я стою въ немъ, смотрю и слушаю спокойно. А каково-то было-бы остаться здѣсь одному! ужасно!»

Радостно и тепло стало мнѣ: я зналъ, что возлѣ меня отецъ, что онъ меня любитъ, что онъ жизни своей не пожалѣетъ для меня. Мнѣ захотѣлось пойти къ нему и приласкаться такъ, какъ ласкался—якогда былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчишкой. Я уже повернулся было къ палаткѣ,—но вдругъ по лѣсу раздался такой скорбный, отчаянный крикъ, точно человѣкъ молилъ кого-то о помощи въ безысходной, смертельной опасности. У меня захватило дыханіе, ноги съ мѣста не двигались. Въ палаткѣ смолкли. У костра кто-то зашевелился, приподнялся и сѣлъ на землѣ.

— Чего ты Петрушка?—спросилъ какой-то сонный голосъ.

— Развѣ не слышишь, дядя?—человѣкъ кричить!—отвѣтилъ вскочившій съ перепугу парень какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

— Какому тутъ человѣку быть, неразумный ты—да не бывалый! Варнаки ¹⁾, —и тѣ теперь около деревень жмутся. Это пугачъ ²⁾ кричить, а не человѣкъ, —отвѣчалъ сонный голосъ совершенно спокойно.

— Нѣтъ, дядя Аксень,—я не Петрухъ чета, тайгу-то давно знаю,—а и мнѣ показалось—ровно гдѣ-то далеко человѣкъ кричалъ,—заговорилъ третій.

— Толкуй! человѣкъ!—не откуда ему тутъ взяться!—рѣшительно и досадливо отрѣзалъ дядя Аксень. По голосу было слышно, что его клонило ко сну, а говоръ переполыхавшихся соудей не давалъ спать.

— Откуда-бы ему ни взяться, а около нашей партіи что-то не ладно,—съ убѣжденіемъ вмѣшался четвертый голосъ; я только говорить по пусту не хотѣлъ, а съ той самой поры, какъ мы цѣликомъ по лѣсу, я кое-что примѣчаю непутное! У меня, дня четыре назадъ кабатцу ³⁾ ночью украли. Согрѣшили, подумалъ

¹⁾ Такъ называютъ въ Сибири преступниковъ, бѣжавшихъ съ каторги или изъ остроговъ.

²⁾ Филинь.

³⁾ Такъ называется въ Сибири рубаха съ рѣзнымъ воротомъ, обшитымъ краснымъ кумачемъ. Надѣвають ее во время лѣтнихъ работъ по верхъ на-тѣльной сорочки.

тогда на когонибудь из своего брата и все заговаривалъ съ каждымъ про-то, да про се, а самъ такъ въ глаза зорко и заглядывалъ. Нѣтъ,—всѣ говорятъ со мной какъ всегда, ни кто ни въ землю, ни на сторону глазъ не воротить! Ну, думаю, стой-же, коли завелся промежь насъ такой мѣднолобый,—до времени никому не скажу, а выслѣжу молодца молчкомъ, да тогда ужъ и открою всѣмъ, на посрамленіе, что поднялись у него руки даже на своего брата, неимущаго человѣка. Вѣдь не за тѣмъ-же онъ рубаху взялъ, чтобы съ собой ее носить,—либо надѣнетъ, либо стирать станетъ,—а у меня-то та рубаха грязная была.

— Ну, такъ что-жь?

— Ну, и ничего не запримѣтилъ.

— Чудакъ, ты братъ! Кто-жь ворованное сейчасъ-же и объявить. Можетъ, и теперь ктонибудь на твоей рубахѣ спитъ? — дразнилъ его дядя Аксень.

— А я на другое, братцы, пустился. Ужъ во всемъ покаюсь! — Ночью у всѣхъ головки подглядѣлъ! Ничего не нашель. Тогда и запало мнѣ на мысли, что не варнаки-ли съ нами, крадучись, идутъ? Сталъ я по вечерамъ сухаря кусочки на видное мѣсто класть,—на утро, глядь—а тамъ ничего уже и нѣту.

— Ха, ха, ха! — разразился тотъ, кого звали «дядя Аксень»,—угомонись ты, упорный, право! Сухари оставлялъ! Да нѣшто, окромя варнака, твоего хлѣба и съѣсть некому? А Антипкины собаки, а лисица, либо волкъ на што? Только сонъ ты мнѣ, братъ, разогналъ! право! А вѣдь завтра не праздникъ въ деревнѣ праздновать,—тоже по тайгѣ маршировать будемъ. Экъ, комары-то какъ одолѣли! Брось его, ребята, давайте спать?

Головы опять опустились къ землѣ—и все смолкло. Станный крикъ больше не повторялся. Я постоялъ еще у палатки. Мнѣ все таки продолжало казаться, что то кричалъ человѣкъ. Напрасно винилъ Аксень и нашихъ собакъ, что онѣ съѣли хлѣбъ. Я зналъ навѣрно, что на ночь ихъ оставляли въ палаткѣ Потапова, съ которыми спалъ и Акимъ. Но неужели-же волки или лисицы осмѣлевались подходить къ кострамъ и къ двумъ десяткамъ спящихъ людей. «Странно! странно!» думалось мнѣ—и съ этой мыслью я вошелъ въ палатку и все рассказалъ отцу, Николаю Семеновичу и Потапову.

— Что ты, озябъ или испугался? — заботливо спросилъ отецъ, — какой ты блѣдный!

— Нѣтъ, не усталъ, не озябъ и не испугался, — отвѣтилъ я, — а какъ-то жутко стало на душѣ отъ этого крика.

— Это отъ непривычки, — оттого, что ты въ первый разъ ночью и въ глухомъ лѣсу слышишь такую пѣсню, — сказалъ Николай Семеновичъ. — Кричалъ это не человѣкъ, а филинъ или пугачъ. Народъ и зоветъ его такъ за то, что онъ многихъ пугаетъ, вотъ какъ тебя. Здѣсь, въ тайгѣ, именно такая мѣстность, какъ онъ любитъ, — глухой лѣсъ, высокая трава, есть и воды вдосталь. Сидитъ онъ днемъ смирнехонько, точно дремлетъ, прижавшись къ стволу дерева въ густыхъ вѣтвяхъ. Не видно и не слышно его. За то ужъ какъ настанетъ ночь, отправляется онъ на охоту, ловить мышей, зайцевъ, птицъ. Онъ даже очень полезенъ людямъ, именно тѣмъ, что служитъ имъ въ поляхъ и садахъ ту-же службу, что кошка въ комнатахъ. Только не любятъ люди всякаго, кто дѣйствуетъ таинственно въ потьмахъ, ночью. Пугаютъ ихъ его большіе, круглые, точно злобно вытаращенные глаза, зловѣщій голосъ. А если присмотрѣться къ жизни филина, — онъ премилый и предобрый паренъ, хорошій товарищъ, добрый мужъ и почтенный отецъ семейства.

Отъ свѣта, тепла и ласковыхъ, спокойныхъ лицъ успокоился и я. Меня даже разсмѣшило, что Николай Семеновичъ говорилъ о филинѣ, какъ о человѣкѣ, а ему, кажется, только этого и хотѣлось.

— Чего ты смѣешься? — продолжалъ онъ, — я говорю совершенно серьезно. Возьми когда нибудь хорошее сочиненіе по острественной исторіи, — ты найдешь тамъ такъ много интереснаго, что не оторвешься отъ него, — и самъ увидишь, что между животными встрѣчается много истинно человѣческихъ добродѣтелей, за которыя къ нимъ начинаешь чувствовать нѣчто въ родѣ уваженія. Жаль только, что всегда этимъ добродѣтелямъ противовѣсь составляетъ множество пороковъ въ характерахъ. Вотъ хоть тебѣ этотъ филинъ. Пока самка сидитъ на яйцахъ, онъ безъ усталы летаетъ по окрестности и приносить ей кормъ; когда выведетъ она цыплятъ, оба натаскиваютъ имъ столько всякой всячины, — птицъ, мышей, пресмыкающихся, что птенцы могутъ ѣсть даже съ выборомъ. Забѣ-

тятъ родители, что гнѣздо ихъ не безопасно, что его открылъ какой нибудь незванный гость, они перетасчатъ дѣтей въ другое мѣсто. Узнаютъ филины своего сородича въ неволѣ, они кормятъ его своими подачами. Храбрости имъ не занимать етать. Можетъ быть, за некрасивый складъ и неповоротливый полетъ днемъ не любить его и свой братъ—птица. Какъ гдѣ завидятъ бѣднягу, и старый и малый давай его щипать и трептать. Но филины и самъ не плохъ,—справится. Говорятъ, онъ даже орламъ спуску не даетъ.

Вплоть до той минуты, пока я заснулъ, просидѣлъ Николай Семеновичъ у насъ и не переставалъ мнѣ рассказывать про разныхъ животныхъ и про то, что мало ихъ человѣкъ знаетъ, а оттого и въ несправедливость впадаетъ, и въ страхъ напрасный, и даже самъ себѣ изъ за этого насущный вредъ приносить.

(Продолженіе будетъ).